

18+ СЯ СТИЛЬКОВА

Ванильный
ОСТРОВ

Ася Сتيлькова

Ванильный остров

<https://litres.ru/74142934>

ISBN 9785006746664

Аннотация

Он — хищник, привыкший держать дистанцию и управлять чувствами других. Она — наивная, но способная к глубоким переживаниям и внутренней честности. Что началось как ролевая игра, становится для обоих чем-то большим. Книга о чувствах, которые рождаются там, где заканчиваются игры и начинается близость.

Содержание

Часть первая: Света	5
Пролог	6
1. Влипла	12
2. Мастер	25
3. Рабыня	37
4. Доминант	46
5. Преступление	64
6. Очень длинный день	73
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ванильный остров

Ася Стилькова

© Ася Стилькова, 2026

ISBN 978-5-0067-4666-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая: Света

Легко мечтать о совершенной любви и ничего не делать — это как наркоз, от которого можно никогда не очнуться, если только не ухватиться изо всех сил за что-то ценное, но пока недоступное нашему пониманию.

(Кларисса Пинкола Эстес, «Бегущая с волками»)

Пролог

*Любое приключение должно с чего-либо начинаться... банально, но даже здесь это правда...
(Приписывают Льюису Кэрроллу)*

Поскальзываюсь на предательской ступеньке при выходе из кафе и на пятой точке влетаю прямо под ноги вышедшему из машины мужчине. Падая, группируюсь — сказываются занятия гимнастикой — и ойкаю, но не от боли, а от неожиданности. Сильная рука в один миг подхватывает меня так резко, что я слегка ударяюсь о его грудь. Его короткое стильное пальто расстёгнуто, и на мгновение моя грудь прижимается к твёрдому мускулистому телу так, что чувствую лёгкий аромат дорогого мужского парфюма. А его рука цепко, как клешня, держит меня за локоть.

В испуге смотрю вверх. Худощавое, серьёзное лицо кажется красивым, но его портит шрам, идущий от виска через всю правую щёку почти до подбородка. А ещё глаза: тёмные, с прищуром, почти дьявольские. Кажется, что взгляд пронизывает меня до самых пяток. Начинаю смущённо извиняться, но он как будто не слышит. Не отрывая взгляда, спрашивает низким, властным голосом:

— Имя?

От растерянности сразу называюсь:

— Света.

Потом спохватываюсь, но уже поздно. Он строго отчитывает за неосторожность, не отпуская моей руки:

— Надо быть осторожнее!

Собираюсь резко ответить, но тут он ловко разворачивает меня и принимается энергично отряхивать мне джинсы. Пытаюсь освободиться от его хватки, но хлёсткий приказ вдруг парализует волю:

— Стой смирно!

Его властный голос обладает такой магической силой, что я замираю как кролик перед удавом.

Тем временем он деловито и методично обрабатывает мой зад: вроде помогает стряхнуть тротуарную грязь, но такое ощущение, что меня шлёпают как маленькую девочку!

При этом его лицо совершенно невозмутимо, и весь он какой-то крепкий, жёсткий и лишённый эмоций — просто скала, а не человек! И машина, из которой он только что вышел, ему под стать: огромная, чёрная, с агрессивной блестящей мордой-радиатором. Кажется, что она вырублена из той же скалы, что и её хозяин.

Наконец его рука разжимается, хватка ослабевает, как и его власть над моей волей. Чуть придя в себя, вежливо отказываюсь от его предложения подвезти и бросаюсь к своему старенькому «Опелю», ощущая всем телом тяжёлый, пронизывающий насквозь взгляд. Даю себе слово не смотреть назад, но у самой машины не могу удержаться и оборачива-

юсь. Он спокойно и так же невозмутимо продолжает на меня смотреть.

Уже успокоившись, внимательней его разглядываю: не старый — лет тридцати пяти, высокий, поджарый и весь такой статный. Короткая стрижка, на висках немного седины. Одет просто, но довольно элегантно и явно дорого.

«Надутый, самоуверенный, наглый индюк», — услужливо подсказывает мне мой здравый смысл и советует: «Светка, держись подальше от таких типов! Наверняка какой-нибудь мафиози».

Твёрдо решаю выкинуть его из головы, но в ней настырно крутится резкая, как выстрел, команда: «Стой смирно!», а попа никак не хочет забыть жёсткую сильную ладонь. «Какая же ты дура», — говорю сама себе. — «Сегодня много дел: сначала в банк просить кредит, потом в магазин и к маме в больницу»

Из больницы возвращаюсь уставшая. Без охоты ковыряю вчерашние, полужасохшие макароны. Настроение ужасное: мама очень плоха, а на такие операции — очередь, квоты. Врач предложил платную — без ожидания, но назвал такую сумму, что я просто обалдела.

Банк сегодня окончательно отказал в кредите. Из ценного имущества — только эта хрущёвка. А жить-то где? С родственниками у нас как-то не сложилось, а те, с кем поддерживали контакт, уже в возрасте и, при всём желании, помочь не могут. Выхода нет — нужно ждать очереди, но мама мо-

жет просто не дожить. Да и лежать в многоместной палате тяжело, а дома нет условий — нужен кислород, капельницы...

Последняя надежда — на встречу с главврачом. Сегодня прождала его три часа, но он так и не появился. В регистратуре сказали, что завтра будет в конце дня. Если и завтра не поймаю — лягу под дверью и буду ждать хоть неделю.

В квартире холодно и сыро. Сантехника подтекает, и кран в ванной надоедливо капает. С тоской вспоминаю нашу прежнюю большую квартиру. Папа купил её когда вышел в отставку и занялся строительным бизнесом. Вначале всё шло хорошо, но потом что-то случилось. Пришлось всё продать за долги и переехать в маленькую квартирку на окраине. Это его и подкосило — сердце не выдержало.

После вынужденного переезда и смерти папы мы так и не смогли обустроиться — до сих пор всё заставлено коробками. В общем — неуютно.

Смотрю сейчас на наш семейный цветок — диффенбахию, которую папа купил ещё в молодости и возил с собой по всем гарнизонным квартирам. Он совсем захирел: пятнистые листья по краям побурели, а новые склеились и не разворачиваются. А с чего бы им разворачиваться в таком холоде? Так, конечно, теплее. Люблю это растение — оно память о папе. Надо бы летом пересадить его в новый горшок.

Заняться нечем. Без интереса читаю новости на стареньком ноутбуке и решаю лечь спать пораньше. Забираюсь в постель, заворачиваюсь в одеяло, понемногу согреваюсь. В го-

лову лезут всякие мысли.

Последние месяцы я всё чаще ловлю себя на ощущении, будто растворяюсь в воздухе. Отстраняюсь. Перестала общаться с немногими знакомыми по бывшей учёбе. На работе — вежливая тень: делаю своё и исчезаю. За весь день иногда почти ни с кем не разговариваю. Каждое слово — лишняя трата энергии, любое приближение — как вторжение. Единственная отдушина — Вика из кафе. Не знаю почему, но меня к ней тянет. Может быть, потому что она кажется такой же одинокой, как и я?

Иногда думаю: это проклятие моей фамилии — Серова? Жизнь моя серая и неинтересная, как и эта фамилия. Серая мышь — вот я кто!

С тех пор как я рассталась с Игорьком, мне не хочется заводить новых отношений. Меня не пугает одиночество. Скорее — пугает близость. В ней что-то слишком острое, слишком живое. А я больше не уверена, что выдержу это.

Порой кажется, что это какое-то медленное исчезновение. Не боль, не обида — просто глухая, спокойная пустота, в которой легче дышать, когда рядом никого нет.

Вспоминаю, как прошёл день. Из интересного — только неожиданная встреча с тем мафиози. Да какая это встреча... так, минутное столкновение. Только вот лицо его со шрамом и крепкая, поджарая фигура весь день стоят перед глазами. А ещё — низкий властный голос. Его тембр почему-то напоминает голос папы.

Провожу рукой по сосочкам — они вдруг «вспомнили» мимолётное прикосновение к мужскому телу и слегка затвердели. Поглаживаю попу, хранящую память о его руке, и чувствую, как кожа покрывается мурашками. Рука сама собой опускается под резинку трусиков к заветной точке, утешительнице одиноких девочек.

Стыдно этим заниматься... Но так я получаю больше удовольствия, чем от всех «перетрахов», как их называл этот инфантильный Игорёк. Как же я рада, что тогда набралась смелости и послала его подальше.

И вообще, все эти «оргазмы с искрами из глаз» — выдумки нимфоманок, кропающих любовные романы. Зачем только эти мужики нужны... Мысли путаются. Надо заснуть. Завтра опять трудный день.

1. Влипла

«Не подскажите ли вы мне, пожалуйста, в какую сторону мне идти отсюда?»

«Это во многом зависит от того, куда ты хочешь попасть», — ответил Кот.

(Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране чудес»)

Выехала в больницу пораньше — решила по дороге заглянуть в кафе. Машина завелась с трудом. Знаю, что что-то не так с двигателем: появилась вибрация. Надо бы завтра заехать в автосервис.

Убеждаю себя, что мне, ну вот как, нужен капучино именно сегодня. Просто позарез — жить без него не могу! Поэтому и еду. А вовсе не потому, что надеюсь увидеть рядом большую чёрную машину. И, может быть... а вдруг?

На стоянке у кафе пусто. Вика — официантка — радостно меня приветствует — любит поболтать, и мы с ней вроде как подруги. Приносит мой капучино.

— Ой, Светка! Что вчера было! Этот, твой, врывается, ногами топает, по прилавку так саданул, что чуть не проломил. Лицо от злости перекошенное. Орёт: «Моя Света чуть ноги себе не переломала! Я ваше долбанное кафе закрою и снесу к чёртовой бабушке!» Ужас!

— Вика, кончай врать! Рассказывай, что было.

— Не, ну я чуть-чуть преувеличила, — весело ржёт она.

— Как ты уехала, значит, заходит твой папик. Важный такой, как ледокол. Выговор сделал, что мы не следим за территорией. Говорит: «Дайте мне такой же кофе, как Свете». Понюхал, а пить не стал — так, пригубил. Спросил, как часто ты тут бываешь. Я сказала, что сейчас не очень — у тебя мама в больнице, не до того.

Приказал, как ты появишься, бонусов тебе на карту подбросить — типа моральная компенсация. Так что сегодня капучино бесплатно. И ещё вот — тортик от заведения, — ставит передо мной кусочек моего любимого торта. Я перестала брать его последнее время — денег жалко.

— Вика, не говори ерунды. Никакой он мне не папик! Вообще его не знаю, так, налетела на него вчера совершенно случайно.

— Давай-давай, не заливай! Видела, как вы там жались, и как он заботливо штанишки тебе отряхивал. Давай, колись! Он кто?

— Отстань! Сказала же — просто нечаянно с ним столкнулась.

— Ладно, потом расскажешь, — заговорщически подмигивает. — Я тебе рекламу кинула! Сказала, какая ты суперская.

— Вик! Ну вот зачем ты лезешь не в своё дело? Зачем было трепаться и про маму, и про больницу?!

— Да ладно! Подумаешь, секрет какой. А он классный у тебя. Крутой!

Вдруг она становится серьёзной, подсаживается ко мне.

— Знаешь, а он на тебя глаз положил. Советов давать не буду, но знаю таких мужчин. На них наши женские штучки не действуют. На них вообще ничего не действует. Они знают, чего хотят, и всегда это получают. Просто думай головой, чтобы потом не пожалеть, — говорит тихо. В её глазах, на миг, отражается такая боль и тоска, что мне становится не по себе.

Появляется посетитель, и Вика, мгновенно преобразившись в обычную весёлую, слегка развязную официантку, уходит.

Вот так в жизни устроено — мы видим только внешнюю оболочку, вроде защитной скорлупы или брони, а под ней у каждого человека — своя Вселенная. Со всеми радостями, надеждами, горем, разочарованиями и трагедиями.

Смотрю на часы — уже опаздываю!

Приятно всё-таки, что ОН подумал обо мне: заступился, бесплатный кофе вот обеспечил...

«Увижу ли его ещё?» — думаю на бегу к парковке, но из головы никак не выходят слова Вики: «Они знают, чего хотят — и всегда это получают...»

По дороге в больницу пытаюсь придумать, что скажу главврачу — и понимаю, что всё бесполезно. Что я могу? Поплакать ему в халат?

У самого поворота вдруг что-то громко стучит в двигателе, он глохнет, и я по инерции съезжаю на обочину. Толчок.

Звук удара...

«Всё. Приехали. Это конец», — говорю себе с обречённым спокойствием.

Снаружи уже слышен крик. Вернее, отборный мат. Выбiraюсь из машины. Лысоватый мужик с перекошенным от злости лицом кидается ко мне. Из всех эпитетов, которыми он меня награждает, цензурный, пожалуй, только «коза». Пальцем тычет в свой бампер, где видна не особо большая потёртость — удар был слабый и по касательной.

Объяснять ему, что нужно соблюдать дистанцию, и что он сам козёл — бесполезно. Охватывает невыразимая тоска и отчаяние. Примерно представляю, что сейчас будет. Понимаю: попала на деньги. И что ещё хуже — машине конец. А как я теперь смогу ездить к маме?..

«Папочка, спаси меня! Сделай что-нибудь!» — молю небо о помощи.

И вдруг — о, чудо! — из туманной дымки подкатывает знакомый уже чёрный кусок скалы с оскаленной мордой, и из него выходит ОН. Неторопливо, вальяжно выходит и направляется к нам. Вчера видела его только стоящим, теперь он идёт. Идёт спокойно, мягко, а в походке ощущается текучая, дикая сила — что-то кошачье. Замечаю, что немного прихрамывает на левую ногу.

Подходит и громко говорит, вернее — рычит:

— Света! Что происходит?! Кто этот тип?!

Как будто знает меня сто лет. И таким голосом, что «ко-

зёл» сразу затыкается. Мямлит испуганно:

— Командир, машина новая, только купил, а тут эта... тормозит. Бампер поцарапала.

Ошалело смотрю, как он величественным жестом достаёт бумажник. Не глядя, отщипывает несколько коричневатых банкнот.

— Извинись перед девушкой — и свободен.

«Козёл» блеет жалкие извинения:

— Простите! Погорячился. Нервы. Машина в кредит, сами понимаете. Простите!.. — пятится к своему «Хавалу» и через минуту растворяется в сырой мгле.

«Мафиози... Причём не просто мафиози — этот, как там у них, „дон“, или „пахан“? Мне конец!» — проносится в голове.

Пытаюсь что-то объяснить, но от шока и страха получается только невнятное мычание. Он слушает с каменным лицом и куда-то звонит:

— Петрович, тут на повороте к областной стоит такое... коричневое, номер на девятку заканчивается. Забери и посмотри, что с ним можно сделать.

В голове шумит, и я плохо соображаю, но понимаю — вызывает эвакуатор.

Больно резанули слова: «такое коричневое» — это о моём стареньком «Опеле»! Прекрасно понимаю, что он имеет в виду. Очень обидно. Ведь если машина — говно, то как назвать ту, кто на ней ездит?..

Поворачивается ко мне и небрежно приказывает:

— Включи аварийку, заberi из машины ценные вещи, дверь не запирай. Минут через двадцать придет эвакуатор.

Что мне остаётся? Безропотно тащусь исполнять его команды. Включаю аварийку — слава богу, работает. Стоп-стоп! Ценные вещи!

Какие у меня вообще могут быть ценные вещи? Вот сумочка с документами — права, полис ОСАГО, свидетельство на машину. Хотя — зачем они теперь нужны? В багажнике валяется ржавая пустая канистра и какой-то древний хлам. Нет смысла даже открывать. В бардачке — пожелтевшие счета, оставшиеся от папы, да фантики.

А ещё — пачка одноразовых салфеток. Вот они-то мне сейчас ой как понадобятся — вытирать сопли и слёзы! Нахожу начатую пластинку цитрамона — тоже может пригодиться. Снимаю обезьянку-талиманчик. И, пожалуй, всё. Плещусь обратно.

А он уже деловито установил аварийный знак. До чего же заботливый! Свой не пожалел. Правда, знак и у меня где-то должен быть, но я не помню, когда последний раз его видела.

Подхожу, а он так странно смотрит на то, что у меня в руках. Ах да: «ценные вещи»! Какая же я дура! Нужно было хоть в сумочку их спрятать...

Стою перед ним с этим жалким барахлом — и кажусь себе такой убогой и несчастной, что жить не хочется. Слёзы наворачиваются. Думаю: «Ну да, такая вот я дурёха-неудачни-

ца. Делайте со мной что хотите, только потом, пожалуйста, пристрелите. Из милосердия. И прикопайте тут же, в лесочке. Ну, чтоб больше не мучилась...»

Вдруг в его пронзительных тёмных глазах что-то меняется. Колючая жёсткость как будто исчезает. Негромко и совсем не властно он предлагает мне сесть к нему в машину. И добавляет слова, от которых мне чуть не сносит крышу: «деловая встреча с главврачом».

На какой-то миг испытываю облегчение: ясно, что мафиози к главврачам на деловые встречи не ездят. Но главное не это. Главное — магическое слово «главврач». Во мне расцветает надежда, и я вдруг улыбаюсь во весь рот, как последняя буратина.

Как же я глупо и нелепо сейчас выгляжу...

Едем молча. Наконец, набираюсь смелости и спрашиваю:

— Простите, как вас зовут?

— Пока можешь называть меня «Сергей».

Зачем-то выделил «пока», но это сейчас не важно.

— Сергей! — запинаясь: очень неудобно обращаться не по отчеству. — Прошу вас, помогите мне встретиться с главврачом. Мне очень нужно.

— Что случилось?

В общих чертах описываю историю с мамой. Надеюсь, он слушает — даже не взглянул на меня ни разу! Долго молчит. Наконец говорит бесстрастно, словно сам себе:

— Хорошо. Постараюсь, но не могу ничего обещать.

И на том спасибо. Может быть, смогу договориться о переносе операции.

На входе в больницу нас уже ждут.

— Господин Николаев! Здравствуйте, я вас провожу, — говорит милостивая девушка в халатике и несколько недомётно меня оглядывает. Проходим по длинным коридорам к кабинету главного. Сергей сухо спрашивает:

— Как зовут маму?

— Серова. Вера Васильевна.

— Сиди тут и жди!

Послушно сажусь на краешек стула.

Главврач, полноватый, с уже изрядно поредевшей седой шевелюрой, выходит в приёмную.

— Сергей Алексеевич! Очень приятно, что вы о нас не забываете!

Приглашает его в кабинет.

Сижу в приёмной уже почти час. Вижу, как в кабинет заходит врач, который лечит маму. В руках у него что-то похожее на историю болезни. Надеюсь, что это мамины документы, но меня никто не приглашает. Уходит врач, пару раз заходит и выходит секретарша. Ужасно хочется пить, но не смею попросить воды.

Наконец появляются главврач и Сергей Алексеевич — знаю теперь его полное имя и даже фамилию. Вскокиваю. Неужели помог?!

Главврач даёт указания секретарше оформить завтра пе-

ревод мамы в спецблок, начать подготовку и согласовать с хирургом дату операции, но обязательно на следующей неделе. Я с восторгом понимаю, что вопрос решён: очередь сдвинули!

Готова расцеловать и этого сурового Сергея Алексеевича, и главного, и секретаршу, а ещё всех дворников, которые песок не сыпят, и даже того «козла», что в меня сегодня врезался. Какое счастье и облегчение!

Бегу вприпрыжку, как моя обезьянка-талисман, за главным и Сергеем Алексеевичем до маминной палаты. Сообщаю ей радостные новости и обещаю приехать завтра.

Приятно удивляюсь, что Сергей Алексеевич тоже заходит к маме — завтра спрошу её, о чём они говорили. Всё просто сказочно великолепно!

Идём на выход, соображаю, как буду добираться домой без машины, и вдруг, среди всего этого счастья, слышу, как главврач ему говорит:

— Послеоперационную реабилитацию мы проведём по полису, поэтому ничего больше доплачивать не нужно. И ещё предоставим одноместную палату в спецблоке. Там ей будет удобнее.

Не сразу доходит смысл, но, когда понимаю, что это значит, замираю от ужаса. Он заплатил за операцию! Просто взял и заплатил, даже не спросив меня. Теперь я в долгу, теперь я в зависимости. Это ужасно!

Тупо бреду за ним и, наконец, решаюсь заговорить. Обе-

щаю всё вернуть. Как же! Как я верну такую сумму?! Сколько же лет на это нужно работать с моей копеечной зарплатой?

Я, может быть, и дура, но не конченная — и прекрасно понимаю, к чему идёт дело. Не удивляюсь приглашению в ресторан — обычный ход. Ну почему я такая несчастная и невезучая?! Короче, влипла.

Сергей Алексеевич вежливо открывает мне дверцу машины. На пороге бросаются в глаза белые буквы на ребристой полоске: KOMENDANT.

Усаживаюсь, а он нажимает внизу какие-то кнопки, и сиденье мягко под меня подстраивается. Становится удобно и тепло, но это не успокаивает. Дверца тихо и плавно закрывается. Всё, я в ловушке!

Молчу всю дорогу до ресторана и лихорадочно составляю решительную фразу типа: «Дорогой Сергей Алексеевич! Вы так много для меня сделали. Спасибо вам и земной поклон, но...» Как же это всё мерзко, противно и гадко!

Ведёт машину молча, смотрит только на дорогу, как будто меня рядом нет. Это хорошо — нужно собраться и придумать, что ему сказать. Мысли скачут и путаются. До сих пор он не сделал мне ничего плохого, только поставил в ужасно зависимое положение.

Признаюсь себе, что думаю о нём постоянно — с той самой первой нелепой встречи. Начни он ухаживать, я бы ещё подумала, но сейчас между нами стоят эти проклятые деньги! Зачем он это сделал? Если я соглашусь на постель, то это

будет унизительно и мерзко.

Впрочем, какие ухаживания? Он, кажется, вообще на них не способен. Тыкает мне с самого начала, обращается со мной, словно я какая-то бродяжка, случайно попавшая ему — такому, всему из себя brutальному супермену — под ноги.

Эгоист и подлый шантажист! Пользуется тем, что у меня безвыходное положение. У него даже и в мыслях нет ухаживать — зачем тратить силы и время? Денег полно, проще купить новую игрушку, развлечься и выбросить на помойку. «Они всегда получают то, что хотят», — как предупреждала Вика.

Господи, как пить хочется. И почему я не попросила воды в приёмной? Дура!

Надо что-то придумать. Главное — его опередить и сразу поставить на место. У него властный голос, он меня гипнотизирует — умелый манипулятор, спору нет. А вот не дать ему начать мною манипулировать! Первой всё высказать! А начнёт приставать — просто послать далеко-далеко, встать и уйти!

Хотя оскорблять его вроде бы не за что — помог ведь с операцией, пусть и не бескорыстно. Да и нравится он мне, что скрывать: вылитый граф Жоффрей де Пейрак — и хромота, и шрам имеется, всё как положено. Именно о таком мужчине я всегда мечтала.

Нужно придумать вежливый, но твёрдый отказ. А вдруг

он заберёт обратно деньги и операцию отменяют? Что я скажу маме? А может быть, он вообще пока не заплатил? Условия ставить будет — понятно какие. Как я буду себя чувствовать, если мама не доживёт до операции? А как буду жить, если стану продажной шлюхой?! Господи, почему ресторан так близко: уже подъехали, а я ещё не придумала, что сказать!

И название у ресторана дурацкое — «Бонжур». Кафе оно бы ещё подошло, но не ресторану. Вот идёшь, скажем, по Парижу, а там русский ресторан: «Добрый день» или, ещё похлеще, «Доброе утро». Абсурд! Улыбнуло, и я чуть-чуть расслабилась.

Ускользаю в туалет — нужно побыть одной и подумать. Тут вполне опрятно и чисто. Привожу себя в порядок и пытаюсь успокоиться. Ужасно хочется хлебнуть воды из крана, но как-то противно: я же ещё не пала настолько низко, чтобы пить воду в туалете. Или уже пала? Вот скоро стану шлюхой и тогда уж буду лакать воду из унитаза на законных основаниях.

Из зеркала на меня смотрит моё усталое лицо. Волосы всклочены. Чучело-мяучело! Ну и пусть — чем хуже, тем лучше. Может быть, побрезгует.

Составляю максимально учтливую, но решительную фразу, репетирую перед зеркалом. Ещё раз наставляю сама себя: опередить его, сказать первой. В душе понимаю, что всё это бесполезно. Он просто возьмёт меня за локоток, как в

тот раз, просверлит гипнотическим взглядом, уведёт за собой и сделает шлюхой. Может, лучше сбежать сейчас? А как же мама?

Решаюсь и выхожу в зал. Он сидит в дальнем углу за зелёной стенкой из растений. Спокойно так сидит, поджидает. Шантажист! Но до чего же он привлекателен...

2. Мастер

«Здесь все сумасшедшие. Я сумасшедший. Ты сумасшедшая».

«Откуда вы знаете, что я сумасшедшая?» — спросила Алиса.

«Ты должна быть сумасшедшей, — ответил Кот — иначе бы ты сюда не пришла».

(Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране чудес»)

Официантик с серьгой в ухе подаёт меню. Глянул на меня презрительно и, кажется, думает: «Знаем мы таких — мелкая шлюшка. А что, нет? Ну, так скоро станешь».

Не помню, когда последний раз была в ресторане. Наверное, ещё когда папа был жив. С Игорьком бывала разве что в недорогих кафешках. Он инфантил и жмот, так и норовил, чтобы платила я. Этот не такой: если захочет — весь этот ресторан прикупит вместе со мной, глазом не поведёт.

Из кухни ресторана вкусно пахнет. У меня мгновенно засосало под ложечкой и захотелось есть. Вспоминаю, что уже дня три не ела нормально — не то, чтобы не на что было еду купить, — до такого я ещё не дошла, а просто нервы.

Выберу себе что-нибудь недорогое. Может быть, рыбу? А какую? У них наверняка и названия блюд такие же вычурные, «иностранные», типа: «карась а ля крем сметана».

Не успеваю даже открыть меню, а он уже молниеносно де-

дает заказ. Обидно. Хотя в душе признаю: мне нравится его решительность. И заказал именно то, что я хотела, и избавил от мук выбора. И кофе — как я люблю. Может быть, и не шантажист? А кто?

Вот и вода, наконец! Залпом осушаю полбокала. Выпила бы всё, но мне кажется, что он за мной насмешливо наблюдает. Не стоит доставлять ему такого удовольствия.

Стараюсь не встречаться глазами — боюсь гипноза. Вижу только руки — сильные, уверенные, с длинными, чувственными пальцами. Отмечаю, что ногти аккуратно и тщательно ухожены, не обгрызены, как у противного Игорька. Он молчит и бесцеремонно разглядывает меня. Сказать сейчас? Нет, ещё не время.

Вот и заказ несут. Его «Приятного аппетита!» кажется звучит насмешливо и издевательски! Хотя нет, это я себя накручиваю — тон вполне обычный, даже учтивый.

Поднимаю глаза, чтобы вежливо ответить, и вижу, как несчастный бифштекс под его ножом испускает красный кровавый сок. Нет, это не бифштекс — это я лежу перед ним на тарелочке! Вот и меня он съест — не подавится. Нет, даже не съест, а так, пожуёт и брезгливо выплюнет.

Рыба, надо признать, необыкновенно вкусная: нежная и сочная, соус пахнет сливками и какой-то специей. Решаю поесть — ведь даже приговорённым к смерти положен последний ужин.

Пробую зелёные стебельки — они тоже нежные и чуть

хрустящие, с тонким приятным ароматом. Видела такие в супермаркете, но не могу вспомнить, как называются.

— Вкусно? — интересуется.

— Да, спасибо! — отвечаю. — Очень вкусно, и соус хороший. И этот... аспарагус. Или это спаржа?

— Можно и так, и так, но в блюде правильное «спаржа», а «аспарагус» — это больше о декоративном растении.

Ну вот зачем спросила про аспарагус и выставила себя невеждой?! Кажется, он ехидно улыбается, и от этого у меня кровь приливает к лицу. Впрочем, нет — это я опять себя накручиваю. Он всё нормально объяснил, вежливо.

От досады на саму себя хочется уколоть его, поэтому спрашиваю, часто ли он сюда с женой ходит — у такого обязательно жена должна быть с ногами от ушей.

Но жены нет. Не ожидала. Странное чувство: с одной стороны, жаль — мой выпад прошёл мимо, но с другой — почему-то радуется, что её нет. А почему? В разводе?

И вот началось:

— Света, у меня есть предложение...

Нужно не дать ему договорить! Собираюсь с духом и одним махом выдаю заготовленную фразу:

— Сергей Алексеевич! Вы так много для меня сделали. Вы очень мне помогли. Я вам так благодарна, спасибо! Вы очень хороший человек, но... простите, мне так неловко это говорить... я не могу стать вашей, — запинаясь от волнения, — вашей... вашей любовницей. — В конце сбиваюсь и,

наверное, выгляжу мямлей. Но сказала же!

Спокойно так с ухмылкой отвечает:

— А я и не предлагаю тебе стать моей любовницей.

Ах, вот как? Не любовницей?! Кем же ещё? Я так настроилась именно на это, что теряюсь и лихорадочно соображаю.

Вариант, что такой, как он, падает на одно колено, выхватывает из-за спины корзину алых роз, из кармана красную коробочку и предлагает мне руку и сердце, даже не рассматриваю. Что ещё он может предложить? Бизнес? Может быть, роль в кино, ну, типа: «Мы тут с покойным Тарковским решили замутить приквел к „Бедной Лизе“, и нам позарез нужна актриса на главную роль, а ты идеально подходишь. Конечно, нужно будет сделать кое-какие пробы...» Что ещё? Несметные богатства?

И тут он говорит самым спокойным и обыденным тоном, отправляя в рот последний кровавый кусок бифштекса:

— Ты станешь моей рабыней.

Перехватывает дыхание, ловлю воздух, и в голову сразу лезут всевозможные книжные рабыни — от древней Греции до Изауры. От этого раскатистого слова в детстве замирало сердце и сводило живот.

Когда читала по ночам, с фонариком под одеялом, Анжелику, то особенно потрясла сцена, где её выставили на аукционе и раздели донага перед полным залом мужчин. Представляла себя на её месте — становилось жутко, и в то же время сладко загоралось и тяжелело внизу живота.

А сцена, когда её наказывали плетью на виду у всех! Воображала, как это стыдно и, наверное, очень больно. Боль и кровь мне не нравились, но от мысли, что и я могла бы стоять вот так, привязанная к столбу, становилось горячо между ног. И теперь так же крепко сжимаю бёдра — как тогда в детстве.

А он тем временем невозмутимо продолжает:

— Обычный договор, ничего особенного. По договору ты семь дней живёшь в моём доме, исполняешь все мои приказы и желания. Ты будешь доступной, послушной и покорной. Я же буду заботиться о тебе и твоих близких, учить и воспитывать, но мне придётся тебя наказывать, если будешь непослушной или за нарушение правил.

— Вы садист? Вы будете меня бить? — Всё, что могу выдать из себя.

— Мышка, — вдруг снисходительно обращается он ко мне.

Меня его фамильярность просто бесит! С детства ненавижу это слово!

— Пожалуйста, не называйте меня мышкой! — прерываю его.

— Ну хорошо, — отвечает спокойно, — буду звать тебя «Крыска». — Ответ, наверное, написан у меня на лице, и он продолжает: — Мышка, во-первых, я не садист. Я доминант. Мастер.

Особо при этом выделяет слово «Мастер» — типа не са-

дист, а просто-напросто обычный доминант-мастер. Ну да, доминант — это вроде того психопата с комплексами и словесным недержанием из книжки про серость? Но этот на психопата не похож. Ну конечно, он ведь Мастер!

Интересно, это как? Дипломированный доминант-профессионал? Как с английской учёной степенью *Master of Arts*? Тогда выходит *Master of Domination*? Закончил магистратуру по поркам? И он что, бить меня собирается?

Становится страшно, и вдруг меня осеняет: вот откуда эти мышки-крыски! Он со мной играет, как кот с мышью. Как же я раньше не поняла!

Как ни странно, от этой мысли немного успокаиваюсь: может быть, у него просто игра такая — стебаться, ну, шутить так. Хотя вряд ли — серьёзно так разъясняет, что мышек, вроде меня, он не бьёт, только «наказывает».

И тут до меня доходит, чего ради он взялся мне тогда джинсы отряхивать! Да он просто задницу мою пробовал, примерялся. Видно, подошла — его размер!

Меня, конечно, наказывали в детстве: отчитывали, мультики не разрешали смотреть, бывала и в углу, но ни мама, ни папа ни разу не наказывали меня физически. Правда, была у нас в классе одна девочка, тихая такая, из неблагополучной семьи. Она мне однажды по секрету призналась, что отчим её наказывает — бьёт ремнём. И не просто бьёт, а заставляет потом долго стоять в углу на коленях. В туалете показала полоски от ремня.

Мне было жутко, но очень интересно: представляла, как бы это было, если бы папа заставил меня раздеться и выворотил ремнём, или отшлёпал. От этого замирало сердце, и, как с Анжеликой, загоралось внизу. Со временем научилась гасить этот огонёк рукой — было и стыдно, и сладко одновременно. Ловлю себя на мысли, что и сейчас это делаю, и что вчера ночью мечтала о нём, вспоминая сильную жёсткую руку на своих джинсах.

Ясно теперь, почему он оплатил операцию! Так прямо и спрашиваю:

— Поэтому вы и заплатили за мамину операцию. Вы хотите меня купить, как покупали рабынь в прошлом?

Мой резкий тон его совсем не задевает, кажется, даже забавляет.

— Мышка, я вовсе не хочу тебя купить и оплатил операцию просто потому, что хотел помочь твоей маме. Если бы главврач не сказал случайно про доплату, ты бы вообще никогда об этом не узнала, — отвечает невозмутимо и добавляет с усмешкой: — К тому же, этим я помогаю больнице приобрести у моей фирмы оборудование, а на этом зарабатываю себе деньги. Так что я не в убытке, и ты мне ничего не должна. Давай оставим этот вопрос. Он совершенно не имеет отношения к нашему договору, который мы с тобой обсуждаем.

А ведь и правда: вспоминаю, как он на главврача тогда зло зыркнул. Сразу становится легче: операция оплачена, и

вообще это не про деньги — он ещё и наварится на этом! Учись, Светка, как люди бизнес делают! Значит, это не про продажу тела, а просто сделка между нами, вроде бартера: «ты мне — я тебе».

И как же ловко у него выходит: получается, что мы уже как бы вместе обговариваем его сумасшедшее предложение — «мы обсуждаем нашу сделку».

Сделка — вот это слово! Вспомнила Гёте, которого проходили на втором курсе — сделка с дьяволом. Никакой он не граф де Пейрак, а злой дух Мефистофель! Заманивает меня, искушает: научит всему, откроет сексуальность, осуществит мои тайные фантазии. Умело и убедительно искушает, так, что у меня мурашки по коже и в животе сводит от возбуждения. Собираю остатки решительности и бросаю ему:

— Вы — Мефистофель! Вы дадите мне всё это и потом заберёте мою душу!

Тут же понимаю, как это пафосно и смешно звучит, но слова уже сказаны. Он невозмутимо отвечает:

— Мышка, сказка про бессмертную душу — не более чем удачный маркетинговый ход попов и иезуитов. Кстати, если помнишь, Мефистофелю не удалось заполучить душу Фауста. Душа — это наши чувства, эмоции, наша память. Душу нельзя купить или продать, нельзя подарить или украсть, но её можно доверить и открыть другому человеку.

А он умён! Подловил меня на Гёте: я и забыла, что в конце Мефистофель так и не смог утащить душу Фауста — ангелы

вознесли её на небо. Вдобавок он ещё и философ — хорошо про душу сказал. Как же: только откроешь душу, и тут же кто-нибудь норовит в неё плюнуть.

Вдруг он стал серьёзным — впервые назвал меня Светланой, а не Мышкой, и стал опять похож на Жоффрея:

— Светлана, я обещаю, что с тобой ничего такого не случится. Обещаю, что не причиню тебе зла.

С ума сойти: это не стёб — он реально предлагает мне договор! Это всё по-настоящему!

С ужасом понимаю, что мне безумно хочется согласиться. Кинуться, как в омут с головой, и отдать себя в его умелые сильные руки. Моё тело рвётся к нему, и только страх держит: страх, что он меня обманет, заманит в ловушку, растопчет и уничтожит душу. Это похуже, чем сделать шлюхой! Вот чего я боюсь! Ведь я совсем его не знаю, а потому — могу ли доверять?

Смотрю ему в глаза, пытаюсь увидеть в них малейшие отблески похоти, фальши. Но не нахожу — только открытое спокойствие и какие-то, едва уловимые, усталость и печаль. Я ему верю!

Как же сказать, как выразить, что я его хочу? Хочу, чтобы он меня схватил и сжал в своих крепких руках! Стоп! Надо остановиться и подумать. Нет, я уже не сомневаюсь, просто мне надо прислушаться к себе. Очень кстати является официант с кофе.

Как хорошо, что он заказал именно капучино: чашка

большая — у меня есть время! Спрашиваю:

— Я могу подумать?

— Конечно, у тебя уйма времени, — делает паузу, — пока ты пьёшь свой капучино.

Не знаю, что сказать, как передать ему то, что сейчас происходит у меня в душе? И он приходит на помощь — он всегда приходит мне на помощь:

— Светлана, когда ты поставишь чашку, ты должна выбрать одно простое слово и сказать: «да» или «нет». Но запомни, что «нет» — это «нет». Выберешь его — я вызываю такси, ты едешь домой, и я навсегда исчезаю из твоей жизни.

Такие простые слова: «да» или «нет». Только сделать выбор, и он исчезнет из моей жизни... Невозможно! Он уже стал частью моей жизни, частью меня!

Сжимаю в руках чашку. Как же я люблю этот аромат ванили! Глубоко вдыхаю. Вслушиваюсь в себя. Есть страх перед неизвестным, волнение, предвкушение чего-то нового, необычного, и ещё много разных чувств и оттенков, но нет ощущения позора и пожара унижения, испепеляющего душу.

Как же хорошо, что кофе горячий — можно пить долго, маленькими глотками. Он мне кажется ароматнее и вкуснее, чем тот, что я обычно пью в кафе. Откуда он узнал? Ах да, Вика с её длинным языком. Мысленно её благодарю и улыбаюсь.

Вспоминаю весь наш с ним разговор за столом. Он, конеч-

но же, мастер, тонкий психолог, но не манипулятор. Помню, как легко, всего одним словом, он подчинил меня и подавил волю тогда, при первой встрече. А мог бы и сейчас так сделать, но выбрал другой путь: умело построил и провёл разговор. Разыграл всё как по нотам, ни на мгновение не было ощущения принуждения или малейшего давления.

Сейчас стало понятно, почему он решил за меня сделать заказ: убирал с дороги всё мелкое, незначительное. Что бы изменилось в моей жизни, если бы я долго и мучительно выбирала, скажем, между лососем и камбалой?

— Да, — говорю тихо, но уверенно, когда чашка опускается с тихим звоном на блюдец.

В его коротком сухом «Хорошо» нет ни капли удовлетворения, радости одержанной победы, ни тени эмоции на лице. Не глядя на меня, расплывается, поднимается и уходит.

Меня охватывает паника: я не так сказала «да»! Может быть, ему показалось, что это было неискренне или он уловил скрытую издёвку — «да пошёл ты...»? Теперь мне кажется, что его «хорошо» звучало зло и угрожающе: «Ну, хорошо, тогда я ухожу!»

Бросаюсь за ним, догоняю у самых дверей и вдруг понимаю: он ещё раз даёт мне возможность выбора! Я могу сейчас просто улизнуть за угол.

Иду за ним к машине, он открывает дверцу и, не оборачиваясь, ждёт. Проскальзываю на привычное, подогнанное под меня кожаное сиденье. Дверь закрывается, сердце замирает

от страха — и тут вдруг ясно понимаю, что в его машине у меня уже есть место — моё место! Страх отступает.

3. Рабыня

Кто же я тогда? Сначала скажи мне это, а потом, если мне понравится быть тем, кем я стала, я поднимусь; если нет, я останусь здесь, пока не стану кем-то другим.

(Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»)

Опять еду в его машине. У неё простой и даже старомодный дизайн салона, всё отделано натуральным деревом и кожей. Шума двигателя почти не слышно, и у машины удивительно плавный ход — она словно плывёт, покачиваясь на волнах. Если закрыть глаза, то кажется, будто я на борту парусника отправляюсь в плавание в неизведанные края!

Как же случилось, что я так быстро решилась на этот безумный шаг — отдать себя в руки незнакомцу, о котором не знаю ничего? Хотя нет, я знаю его имя, знаю, что у него своя фирма, и он занимается медицинским оборудованием.

У него много денег, и он щедр: просто так, мимоходом, оплатил операцию маме. Проявил ко мне участие, когда я слетела со ступеньки. Или это было не просто участие? Но ведь возник же он там, на дороге из тумана, именно тогда, когда я молила небо о помощи, и как рыцарь, пусть даже не на белом коне, спас меня!

Ещё я знаю, что он умён, начитан, тонкий психолог и даже философ. А ещё он мне нравится. Очень!

Он такой разный! Я видела его грубоватым, властным, грозным, сочувственным, великодушным, невозмутимым, ироничным и серьёзным — и всё это за те часы, нет, минуты, что мы провели с ним вместе! Многих людей не узнаешь так близко и за всю жизнь! К тому же никто в жизни, кроме родителей, не сделал мне столько добра, сколько сделал он всего за один день.

У него необычные вкусы, но ведь он, несомненно, много видел и испытал. А теперь ищет чего-то новенького — наверное, может себе это позволить.

Он протянул руку и поднял меня тогда у ступеньки. Не просто поднял, а предложил вытащить из тоскливой безысходности одиночества и нереализованных желаний. Дал мне шанс. Да, именно так он и сказал!

Почему же мне так тревожно и страшно? Искоса поглядываю на него, а он бесстрастно смотрит только вперёд, и я вижу лишь одну сторону лица, изуродованную страшным шрамом. Не могу понять, боюсь я его или нет? Пожалуй, нет — ведь я заглядывала ему в глаза и потому верю. Отчего же эта тревога? Может быть, я страшусь, что не справлюсь, не смогу дать ему того, чего он ищет во мне? Разочарую его.

Он явно опытен и пресыщен жизнью, и я уверена, что у него была не одна, а десятки, может быть, сотни женщин. Что могу дать ему я со своими невинными девичьими фантазиями и жалким опытом неумелого подросткового секса? Да и можно ли назвать сексом ту пару «перетрахов» с Игорьком,

о которых в памяти осталось лишь горькое разочарование?

В потоке мыслей и самокопания время пролетает незаметно. Узнаю район на окраине города у реки, где расположен закрытый элитный посёлок.

Открываются огромные ворота, машина останавливается перед большим домом, а я смотрю в зеркало и ловлю себя на мысли, что со страхом жду, когда они закроются. Захлопнутся, как дверца мышеловки, за мной. Навсегда?! Становится страшно, теперь уже по-настоящему. И вдруг какая-то сила поднимается внутри меня: сводит низ живота, и разгорается гучим пламенем пожар желания.

Он долго и пристально смотрит мне в глаза и обращается ко мне полным именем:

— Светлана! Нужно выполнить некоторые формальности.

— Да, договор, контракт... — выдавливаю с трудом.

Нет! Только не это! Пожалуйста, не сейчас! Я ведь приготовилась и с трепетом жду, когда он прикоснётся ко мне. Неужели же он сейчас вытасит этот дурацкий контракт, как в книжке?

— Договор я зачитал за столом. Если хочешь, повторю текст ещё раз, — говорит он ледяным голосом.

— Не надо, я помню, — отвечаю еле слышно. Внутри всё замирает от страха.

Он всё же чётко повторяет фразу, сказанную в ресторане, и добавляет:

— Есть два важных дополнения. Первое: договор заклю-

чается на семь дней, но он автоматически продлевается, если ни одна из сторон не выкажет желания его прекратить. Второе: ты должна ясно понимать, что вступаешь в мой дом добровольно. Ты свободна в любой момент уйти, и никто не будет тебя задерживать. В этом случае наш договор аннулируется, мы не будем ничего должны друг другу и расстанемся навсегда. Это понятно?

От волнения я не в силах ничего сказать и только согласно киваю. Господи, какое облегчение! Всё так просто, да и правда — зачем всё это крючкотворство, если нет взаимного доверия? Мне понятны и добавленные пункты.

— Есть вопросы? Говори! — Звучит как приказ.

Вопросы? Вдруг вспоминаю о СЛОВЕ! Всегда должно быть особое слово: «стоп-слово». Какое же выбрать? Мучительно соображаю, но на ум ничего подходящего не приходит. Только во рту всё ещё остаётся чудесное послевкусие самого длинного в моей жизни капучино. Ваниль! Пусть будет это слово!

Он вынимает из внутреннего кармана и раскрывает передо мной плоскую коробочку. В ней, на чёрной бархатной подложке, лежит изящное ожерелье-чокер, в виде мягкой блестящей ленты примерно сантиметр шириной.

— Это ошейник — символ твоего полного подчинения. Сделан из чистой платины, очень прочный, стойкий и гипоаллергенный — его можно носить постоянно. Если пожелаешь уйти, то не нужно ничего объяснять. Просто верни

ошейник, и наш договор будет считаться расторгнутым. Теперь поцелуй его и подай мне обеими руками.

Я беру в руки серебристую ленточку, подвижную как ртуть, но неожиданно тяжёлую. Внимательно рассматриваю сложное переплетение плоских звеньев. Они сделаны так искусно, что ленточка может немного растягиваться и слегка пружинить.

Платина! Ни разу не держала в руках этот металл. Символ! Замираю на секунду: как это красиво и романтично! Это вам не грубый кожаный ошейник, и поцеловать такую изящную вещь нетрудно и даже приятно — ощутить губами холодок благородного металла.

Передаю ему ленточку обеими руками. Они предательски дрожат. Его пальцы нежно касаются моей шеи, металл холодит кожу. Ошейник не сдавливает горло, но как-то мягко и властно прижимает своей неумолимой тяжестью. Слышу щелчок застёжки и замираю: случилось! Вижу в зеркало, как медленно закрываются чёрные ворота. Теперь я его рабыня! Принадлежу ему! Словно читая мои мысли, он немного торжественно и даже театрально объявляет:

— С этой минуты наш договор вступает в силу. Ты должна обращаться ко мне только «Господин». После каждого ответа или просьбы тоже должна добавлять «Господин». Слова, которые я от тебя ожидаю слышать чаще всего: «Да, Господин», «Слушаюсь, Господин». Тебе ясно?

— Да, — выговариваю через силу, — Господин.

Очень трудно сказать это слово!

Зачем-то он просит мою банковскую карту. Ах да, я рабыня, и мне ничего не положено иметь. Пусть так! Отдав себя, своё тело, не стоит больше думать о деньгах. Протягиваю карту, и через некоторое время слышу слабый писк своего мобильного, извещающего о банковской операции.

Сумма с несколькими нулями, «упавшая» на счёт, повергает меня в ужас. Зачем?! Зачем он это сделал! Я же не из-за денег!

Он холодно объясняет, что такие правила, так положено. Может быть, он член какого-то тайного ордена благородных доминантов, и у них есть свой кодекс? Потом, ведь я уже и так согласилась, приняв символ подчинения — ошейник. Ну, раз положено, раз такие правила, пусть так и будет, он — Мастер, я ему доверяю, поэтому забираю карточку и прячу в сумочку.

Входим в дом. Не сразу понимаю, что к чему: глаза слепит яркий свет от множества лампочек на потолке. Передо мной внушительный холл размером со всю нашу квартиру. Изящно изогнутая лестница ведёт на второй этаж. Сквозь широкий проём видна огромная комната с красивой мебелью и даже — замираю от восторга — роялем! У него есть рояль!

А дальше? Всю дорогу сюда я представляла, как это будет. Что он сделает? Схватит меня, прижмёт к стене, начнёт срывать одежду? Поташит в свой подвал, где приготовлены цепи и плети? Посадит в клетку? От этих мыслей что-то сворачи-

валось внутри и горячо пульсировало между бёдер.

Но всё оказалось очень просто и даже обыденно, а он молчит и только смотрит. Нужно что-то делать. Что же? Для начала снять куртку и разуться, так как полы сверкают чистотой. А вешалки нет.

В ответ на мой вопрос он молча открывает дверь в большую просторную комнату, там целая гардеробная: полки, шкафы с красивыми деревянными плечиками, подставки для обуви. Всё очень грамотно и удобно спланировано.

Чувствую, что мне нужно в туалет. Как бы сказать повежливее?

— А где можно помыть руки?

Показывает на дверь гостевого туалета. Отмечаю про себя, как хорошо устроен дом: небольшой, но стильный туалет сразу у входа. В нём есть большое окно. На широком мраморном подоконнике стоит роскошная орхидея. Пробую пальцами — живая, конечно же! Всё шикарно, и в то же время так по-домашнему. Успокаиваюсь, пожар внутри начинает стихать. Выхожу. Он всё так же молча за мной наблюдает. Пауза затянулась, робко спрашиваю:

— Что мне нужно делать?

Он долго не отвечает. Наконец спокойно говорит:

— У тебя проблемы с памятью или со слухом?

— Нет, а почему...

Не даёт мне договорить:

— Ты всего несколько минут в моём доме, но уже успела

нарушить одно из самых главных правил. Скажи, какое? — спрашивает он жёстким холодным голосом.

И эти его слова бьют меня, как пощёчина! Какая же я дура! Как я могла забыть! Засмотрелась на красивый дом и совершенно вылетело из головы, кто я и для чего он меня сюда привёз!

— Простите! Я забыла, растерялась! Нужно было добавлять «Господин», да?

— Рабыня, ты опять проявила неуважение к своему господину. Ты груба и невоспитанна. Иди за мной, ты будешь наказана. — Поворачивается и направляется к лестнице.

«Рабыня... Будешь наказана!» — от этих слов полыхнуло с новой силой! Куда он меня ведёт? Что сейчас будет? Становится страшно, и в то же время сладко ноет где-то глубоко внутри. Кровь бросается в лицо. Неужели сейчас это случится со мной? Это не в книге — это наяву я иду за ним, дрожа и от страха, и от нетерпеливого желания. Какая же это сладкая мука!

Господи, как же мне страшно! В глубине души я, конечно, верю, что он не причинит вреда — ведь он обещал. Но мне всё равно страшно до дрожи в каждой клеточке тела. Идём вверх, значит, не в подвал. Может быть, его пыточная на втором этаже? Такая огромная дверь... А что за ней?

В голову лезут разные описания подобных мест из книжек и фильмов. Вот она открывается, и... за ней просто обычный холл. Совсем обычный. Правда, замечаю там ещё несколько

дверей.

Открывает одну и приказывает мне войти первой. Ничего не вижу — вокруг темно, и только вдалеке виднеются неясные очертания чего-то огромного и белого. Медленно зажигается свет, и я оказываюсь в центре светлого пятна. Под ногами пол тёмно-красного дерева — даже через носки чувствую, что он тёплый.

В окружающем меня мягком полумраке с удивлением вижу громадную комнату. Краем глаза замечаю элегантный кожаный диван и буфет со стеклянными дверками, за которыми что-то поблёскивает. А белое пятно передо мной — это просто гигантская и, наверное, очень удобная кровать. Нет ничего пугающего или агрессивного.

Страх мало по малу отступает, оборачиваюсь и цепенею от ужаса: от стоит за моей спиной, а его глаза — неподвижные, злые, с желтоватыми отблесками — взгляд хищника!

4. Доминант

Сон — это не реальность, но кто может сказать, что есть что?

(Льюис Кэрролл, «Алиса в стране чудес»)

Но я чуть не забыл, ты должна закрыть глаза, иначе ничего не увидишь.

(Льюис Кэрролл, Ян Сванкмайер, «Алиса»)

Он медленно обходит вокруг меня, в руке у него хлыст с кожаной накладкой на кончике, вынутый из комода. Грубо командует:

— Спину прямо! Ноги вместе! Руки плотно прижаты к бокам. Смотреть в пол!

От волнения я на секунду замешкалась и тут же получила удар по ягодице. Даже не удар — просто лёгкий шлепок, но от неожиданности вскрикиваю и дёргаюсь всем телом, как будто меня прижгли раскалённым железом.

Стою, вытянувшись в струнку, плотно прижав руки, и чувствую, как во мне всё сильнее разгорается возбуждение.

Подходит совсем близко так, что ощущаю тепло его тела.

— Так ты должна стоять перед господином. Кто ты? Отвечай!

— Рабыня... — получив очередной шлепок, быстро добавляю: — Господин.

— Запомни, когда ты отвечаешь на вопрос господина, то

смотришь в глаза. — Он хлыстом приподнимает мне подбородок. — Что ты должна сейчас сказать?!

— Слушаюсь... Господин.

— Ответила — и глаза в пол до следующего вопроса! Ты поняла?

— Да, Господин.

— Зачем ты сейчас в этой комнате?

Испуганно замираю в растерянности. Как зачем? Потом, соображаю, тихо выдавливаю:

— Наказание... получить, Господин.

— На колени!

Кровь моментально приливает к лицу от стыда, но ноги сами покорно сгибаются. Стоять на коленях, вытянувшись в струнку, неудобно и больно.

— Это поза ожидания наказания! Спину прямо, руки за спину, кисти вместе одна к другой на попе! Ладони наружу! Смотреть в пол! Ноги раздвинуть!

Свожу руки за спиной, как он приказывает, и накатывает новая волна сладкого возбуждения, когда запястья касаются попы — будто я уже заранее прикрываюсь от ударов. Сколько же томительной муки в этом простом жесте! «Поза ожидания наказания» — от этих слов меня буквально трясёт.

Несколько лёгких ударов по внутренней стороне бёдер. Развожу их шире.

— Запомнила позу?!

— Да, Господин, — отвечаю уже быстрее.

— В чём ты провинилась?

— Господин... не говорила «господин» господину, Господин... — от волнения путаюсь, но решаю, что что уж лучше много раз сказать «господин».

— Теперь проси твоего господина наказать тебя! Смотреть в глаза!

Язык словно онемел и не слушается. С трудом выговариваю:

— Господин... накажите меня.

Вижу, как сузились его глаза, а на губах, кажется, мелькнула злая усмешка. Приказывает:

— Встать!

Поспешно встаю и занимаю подобающую позу — сама поражаюсь, как же быстро я учусь!

— Сними носки!

Быстро снимаю и замираю. И что с ними делать дальше? Приказ отнести и положить к зеркалу. Поворачиваюсь и вижу, что вся стена за спиной зеркальная. Вижу себя с красным лицом, сбившимися волосами и этими дурацкими носками в дрожащих руках.

Зеркало немного помутневшее, старинное, и мне кажется, что сейчас я в огромном тёмном зале таинственного замка времён Анжелики.

Оставляю носки перед зеркалом на полу и возвращаюсь. Теперь приказывает снять джинсы. Это нелегко — грудь сжимается от жгучего стыда, руки трясутся. Кое-как стяги-

ваю и отношу к носкам.

Собираюсь повернуть обратно — и тут с ужасом вижу в зеркале себя в этих убогих застиранных трусах! Я же не думала, что придётся раздеваться: взяла что попало под руку, может быть, даже мамины. А ещё и пятно — теку как последняя дворовая сучка!

Быстро стягиваю с себя этот позор и зарываю поглубже под джинсы. Надеюсь, что он не заметил. Как бы не так! Не верю своим ушам, когда слышу:

— Не давал приказа снимать трусы! Надеть!

Что?! Нет! Я не могу этого сделать!

Грубый окрик бьёт как удар бича:

— Быстро надеть и вернуться на место!

Противиться этому властному голосу не могу: замираю, как бандерлог перед удавом Каа. Непослушными руками натягиваю ненавистные трусы. Мокрое пятно уже успело остыть и мерзко холодит промежность. Как во сне выполняю три раза это унижительное действие — и каждый раз вижу в зеркале себя: полуголую и жалкую рабыню.

Кажется, что сердце сейчас выскочит из груди, тело холодеет от выступившего вдруг пота, а внизу живота, наоборот, желание разгорается всё сильнее, и я с ужасом осознаю, что хочу ещё и ещё испытывать это унижение. Что со мной происходит?!

Снять остальное кажется даже облегчением: уж лучше голой — не так унижительно! Теперь лифчик... жуткий, с по-

трёпанными краями! Он видит. Его это забавляет!

От прикосновения кусочка кожи на конце хлыста меня всю словно пронзает током. Сжимается внизу. Он снова приподнимает мне хлыстом голову, и я опять на мгновение встречаюсь с бешеным, полным ярости и вожделения взглядом хищного зверя.

От этого взгляда впадаю в необъяснимый транс. Кровь шумит в ушах, и кажется, что это происходит не со мной: я в своей фантазии, в Зазеркалье, и сквозь туманное зеркало вижу жалкую, беззащитную фигурку — несчастная рабыня, жестокий пират купил её на рынке, как животное, привёл на корабль, и она целиком в его власти!

Пират грубо командует, приказывает поднять руки, по-хозяйски осматривает и ощупывает покупку — хочет убедиться, что не переплатил! Вот он стискивает груди, теребит соски и прижимает властными руками к себе свою новую игрушку. Я — вещь, у меня нет ни воли, ни желаний!

В глазах темнеет, проваливаюсь в черноту, исчезаю и растворяюсь в ней: я никто, меня нет и никогда не было!

«На колени!» — доносится откуда-то издалека, и сознание постепенно возвращается. Бешеный ритм сердца немного замедляется. Вновь чувствую своё тело.

Повинуюсь приказу. Руки сами собой соединяются запястьями за спиной — и как только они касаются ягодиц, молнией в мозгу проносится мысль: «Наказание! Это случится сейчас!» Внутри всё обрывается и летит вниз, в тёмную про-

пасть, туда, где уже жарко бушует пламя.

До сознания доходит, что бездонная чернота, окутавшая меня, — это просто повязка на глазах. Я вся обращаюсь в слух и стараюсь уловить малейший шорох, как пугливая серна, почуявшая таящегося во мраке хищника.

Шаги, шум воды и характерный звук — он моет руки. Потом шум воды прекращается, и я слышу шаги. Он идёт ко мне... Ближе, ближе... Внутренним взором вижу огромный чёрный ремень и жёлтые глаза лютого зверя. Спазм сводит тело и до боли сдавливает лоно. Хочется сжаться в комок, закрыться — но нельзя! Становится горячо и влажно. Какой стыд!

С готовностью подчиняюсь команде встать и изо всех сил сжимаю бёдра. Но возбуждение от этого становится ещё сильнее. Никогда не испытывала ничего подобного! Что это?

Мощная, твёрдая рука властно сжимает шею сзади и берёт меня за загривок, как котёнка. Он уверенно укладывает меня на свои колени и с силой прижимает. Упираюсь во что-то твёрдое, как камень, понимаю, что он тоже возбуждён — и, помимо воли, стараюсь прижаться к этой желанной «твёрди».

Я приговорена к десяти ударам. Чем? Пока не знаю. Но велено считать — да ещё и благодарить. До чего же унизительно!

Оглушающе звонкий шлепок — и жгучая боль. Рыдаю, задыхаюсь и всё же заставляю себя сказать:

— Один... Благодарю... Господин!

Ещё шлепок, уже сильнее.

— Два! Благодарю, Господи-и-ин!

— Не сдерживай себя! Кричи! Тебя никто не услышит.

Забываю про счёт — в голове всё смешалось от возбуждения и страха:

— Бла-го-да-а-рю, Господи-и-ин! — Больше похоже на крик.

Он останавливается. Его рука скользит по — как мне кажется, истерзанной — заднице; его ладонь мягко опускается всё ниже и ниже... Гладит, потом раздвигает и медленно входит внутрь. Палец!

От неожиданности я замираю и только всхлипываю. Это всё? Нет! Глубже, глубже! Ещё немного!

Пытаюсь помочь ему нащупать заветную точку, но он убирает руку, а я снова плачу — на этот раз от обиды.

— Рабыня, за что ты получаешь наказание? Отвечай!

Мычу что-то невнятное:

— Не... назы... вала... вас... госпо... дин...

Шлепки сыплются снова, хотя боли нет, только огненные вспышки в темноте и приливы горячих приятных волн. Плыву в этом тёмном море и уже не понимаю, где я, кто я, и будет ли берег...

Рыдаю и ору в голос от двух быстрых ударов такой силы, что меня пронзает острая боль — настоящая боль! Выгибаюсь и пытаюсь освободиться — и тут его палец быстро вхо-

дит в меня снова и сразу попадает в то самое местечко.

Взрыв!

Плотина на пути потока возбуждения рушится, бьюсь как в агонии и будто со стороны слышу хриплый, нечеловеческий вой... Неужели мой?!

Сознание возвращается — я медленно падаю, кружась, как листок. Нет, это кружится голова. Лежу на мягком облаке. Чья-то рука ласково проходит по спине, опускается ниже, нежно сжимает и гладит горящие ягодицы. До чего же приятно!

Руки больше нет. Различаю где-то рядом шум дождя. Но откуда здесь взялся дождь? Воды! Очень хочется пить. Облизываю пересохшие губы.

«Хочу, чтобы помыла...» — это он мне?

Сильные, горячие руки поднимают меня в воздух, и я снова лечу в темноте. Ноги касаются чего-то тёплого, вроде нагретого солнцем камня на берегу моря. Дождь шумит сильнее. Настоящий ливень! Где же это я?

Повязка спадает — вскрикиваю от удивления и восхищения: в полумраке, в глубине таинственной Пещеры, сияет и переливается всеми цветами радуги сказочный водопад!

Его рука нежно подталкивает меня вперёд, и вот я уже стою в этом мерцающем потоке. Мягкие, тёплые струи летнего дождя красочно переливаются, стекая по телу искрящимися каплями. Нет, это не Пещера. Это — Сад.

Его руки скользят по мне, нежно проникая во все угол-

ки, задерживаются и кружат вокруг сосков, опускаются ниже, ниже... Огонь желания вновь вспыхивает и разгорается от каждого прикосновения. Биение сердца ускоряется, я часто дышу и жадно ловлю пересохшими губами живительную влагу.

Шумит дождь, и от этого равномерного звука сознание отключается — я опять словно во сне.

Надо мною возвышается скалистый утёс. Разноцветные, переливающиеся светлячки стекающих капель мерцают на ворсинках мха в неровностях и углублениях камня. Провожу ладонями по влажной поверхности скалы. Но нет, это не скала! Это живая плоть — рельефные бугры мышц, волосы на груди.

Невольно прижимаюсь — так хочется опять почувствовать то мимолётное прикосновение сосков к его телу, как тогда, у ступенек кафе... Боже! Как же давно это было! Кажется, что прошло сто лет, столько всего случилось с тех пор!

Поднимаю глаза — он смотрит на меня сверху. Искорки света отражаются в глазах, и от этого его взгляд уже не пронизывающий — он кажется даже мягким. Сверкающие струйки воды катятся по нашим лицам, как слёзы.

Хочу приласкать, погладить, узнать его тело, провожу ладонями по груди и ощущаю неровности — шрамы. Исследую все уголки торса; опускаюсь ниже. Под руками — ткань: боксёры плотно обтягивают ягодицы.

— Сними, — тихо говорит он.

Я опускаюсь на колени и медленно их стягиваю. Это непросто — мешает мощный и твёрдый бугор спереди. Наконец получается, и я вскрикиваю от неожиданности: освобождённый из заточения сказочный Змей распрямляется, как пружина, и рвётся вперёд, упираясь мне в подбородок.

Замираю в невольном восхищении: как же он прекрасен — в таинственном полумраке, осыпаемый разноцветными блёстками дождя!

— Помой его, — просит негромко и совсем не властно.

Берёт мою ладонь и наливает в неё гель без запаха, как детский шампунь. Медленно и осторожно начинаю мыть промежность и мягкую, словно сделанную из бархата, мошонку. В далёком и рациональном уголке мозга отмечаю, что волос у него здесь почти нет.

Провожу руками по *нему*. Чувствую, как *он* напрягается ещё сильнее и пульсирует, отзываясь на мои бережные прикосновения. *Он* слушается меня!

Ещё и ещё провожу по *нему* руками, обвиваю, обхожу и кружу со всех сторон. Поглаживаю пальцем — кожица нежная и бархатистая, как кожа ребёнка. Мне неудержимо хочется ощутить эту нежность губами.

От прикосновения моих губ *он* дёргается и приподнимается ещё выше! Вдруг какая-то тёмная сила опять вскипает во мне и растёт откуда-то из самой глубины.

«Он в моей власти!» — проносится мысль, и от этого захлёстывает новая волна возбуждения.

Пронзительно хочется подчинить, заставить трепетать в моих руках. Сжимаю его стальные ягодицы, впиваюсь в них ногтями. Жадно захватываю ртом, провожу языком, нежно вытягиваю в себя, будто хочу высосать всю его жизненную силу. Теперь быстрее, быстрее, глубже, глубже! Помогаю руками.

От пьянящего чувства власти сильнее впиваюсь в ягодицы, из горла вырывается звук, похожий на рычание, и *он* отзывается — резонирует, как дека музыкального инструмента! Это заводит ещё сильнее — снова и снова, с рычанием, терзаю добычу. Он весь напрягается, вытягивается и издаёт сдавленный протяжный стон. Во рту тепло...

«Я заставила этого невозмутимого супермена стонать и трепетать в моих руках! Он был моим — пусть на мгновение! Моим!» — вот всё, о чём я могу думать в этот миг. И тут, на пике триумфа, неудовлетворённое желание сводит и сжимает железными клещами низ живота. В ужасе смотрю вверх — а как же я?!

Он медлит немного, прислоняется к стене душевой, колено его полусогнутой ноги упирается мне в лоно. Обхватываю, обвиваюсь вокруг ноги — цепляюсь за неё, как тонущий за спасательный круг.

Та же тёмная сила опять требует крепко стиснуть, сжать, впиться зубами. Его нога в моём воспалённом сознании увеличивается до размеров Вселенной, и я чувствую себя её повелительницей! Извиваюсь, ёрзаю вверх и вниз — вот он, та-

кой нужный выступ. Блаженный миг освобождения! Обессиленная, часто дыша, сползаю по ноге на тёплый плиточный пол. Закрываю глаза.

Дождь прекращается, и появляется свет. Я лежу на полу в большой светлой ванной комнате. Огромное зеркало, современный, даже минималистский дизайн — нет и следа чудесного райского сада. Неужели это был только сон? Торопливо поднимаюсь и становлюсь в покорную позу.

А он уже вытирается полотенцем и накидывает халат, расшитый драконами. С ужасом успеваю разглядеть красные следы от своих ногтей на его ягодицах. Что же я натворила! Совсем чокнутая!

— Приведи себя в порядок. Вот твоё полотенце. Фен здесь. Расчёска и зубная щётка — в выдвижном ящике под раковиной. В буфете есть вода. Твоё место на кровати — справа, — говорит отрывисто и резко. На его лице ни единой эмоции. Уходит, даже не оглянувшись.

Я остаюсь одна и осматриваюсь. Наверное, следовало бы привести в порядок душевую, даже не душевую — это просто часть ванной комнаты, отгороженная стеклянной стенкой, но я не знаю, чем это можно сделать. Он успел подобрать боксёры, и они уже висят на огромном хромированном радиаторе-сушилке. Накидываю на себя толстое тёплое полотенце вместо халата.

В углу, на стенке душевой, замечаю скребок с блестящей ручкой, похожий на те, чем моют оконные стёкла. Смахиваю

им капли со стекла и плиток стен. Как удобно! К тому же эта простая работа немного успокаивает и возвращает ощущение нормальности. Руки подрагивают от усталости, но каждая клеточка тела переполнена блаженной истомой и сладко вибрирует — до чего же приятно!

Вижу своё отражение в огромном зеркале. Оно запотело, но в центре остаётся большой сухой квадрат. Трогаю его рукой — тёплый! Интересно, как это получается? Внимательно разглядываю себя и не узнаю: мокрые спутанные волосы, опухшие веки, а губы ярко-розовые, словно покрашенные помадой, которой я никогда не пользуюсь.

Ловлю свой взгляд. Кажется, что в глазах что-то изменилось — я уже другая. Какая? Не знаю, но точно не «дитя с безоблачным челом и удивлённым взглядом». Стала настоящей женщиной, как он обещал, или меня так меняет ожерелье-ошейник?

Провожу по нему рукой. Металл, напитанный моим теплом, приятен на ощупь и кажется живым, частью меня самой! Вдруг приходит мысль, что это не просто символ подчинения, а ещё и магический амулет — он защищает меня, и пока он тут, я в безопасности! Именно так!

Как же иначе объяснить, что ни на мгновение с тех пор, как он на мне, я не чувствовала никакой угрозы, поэтому позволила себе отпустить все тормоза и полностью отдаться желанию? Страх был, но то был сладкий страх предвкушения чего-то неизведанного, а в глубине души я была абсо-

лютно уверена, что мне ничего не угрожает, ведь он же сказал: «не причиню тебе зла».

В выдвижном ящике среди разных мужских туалетных принадлежностей нахожу несколько зубных щёток в упаковке. Выбираю самую розовую. Там же есть и расчёски, но явно мужские. Долю секунды колеблюсь, однако беру одну — глупо отказываться от расчёски мужчины, вкус которого ещё чувствуешь во рту!

Вдруг вспомнилось, что даже в том сумеречном состоянии, когда ждала его с повязкой на глазах, тем же рациональным уголком мозга отметила, что он чистоплотный — моет руки прежде, чем заняться мною! И ещё, когда он вошёл в меня пальцем, на мгновение в мозгу мелькнула картинка: его чувственные руки с ухоженными ногтями.

Пока я сушу и расчёсываю волосы, в памяти всплывают видения и звуки: я в старинном зеркале, грубые команды, суровая фигура с хлыстом в руках, вспышки, сказочный дождь — всё это теперь кажется сном! Но если это был мой сон, то снилась ли ему и я тоже?

При этой мысли сразу вспоминаю о наказании и со страхом поворачиваюсь к зеркалу. Да, ягодицы покраснели, немного жжёт, но не видно ни красных полос, ни синяков. Он просто слегка отшлёпал меня ладошкой, как тогда у кафе! Улыбаюсь, вспомнив ту сцену.

Чищу зубы и ставлю свою розовую щётку в стакан рядом с другой — большой, тёмно-синей с красным. Подумав немно-

го, поправляю розовую так, что она будто нежно прижимается к тёмно-синей. Довольная, любуюсь этой изящной эротической икебаной. Затем аккуратно вешаю своё полотенце на радиатор-сушилку ниже его полотенца — символично!

В спальне полумрак, слабый свет ночника и очень уютно. Беру воду из буфета, порываюсь выпить прямо из бутылки, но это кажется неподобающе вульгарным в такой изысканной обстановке. Наливаю её в красивый стакан и жадно пью. Господи, какое облегчение!

Вот и огромная кровать с металлической кованой спинкой. Где тут моя сторона? Если стоять к кровати лицом, то она справа, но если лечь на спину, то это будет уже слева, а если лицом вниз — опять справа! Как всё непросто — снова чувствую себя Алисой в Зазеркалье.

Внезапная как вспышка молнии мысль проносится в мозгу: «Что же я делаю! Ведь сейчас я должна буду лечь в постель к едва знакомому мужчине, а единственное, что меня волнует — с какой стороны кровати мне лечь!»

Пожимаю плечами, а что в этом такого? После всего того, через что мне пришлось пройти, это уже вовсе не кажется постыдным.

После недолгих раздумий решаю лечь слева, как стою: так кажется правильнее. Боже! До чего же кровать мягкая и в то же время жёсткая: не прогибается! Блаженно вытягиваюсь так, чтобы всё тело напиталось этой сказочной мягкостью.

Как же всё-таки странно: ещё сегодня утром я проснулась

на стареньком диванчике в тёмной холодной квартире, и вот уже лежу, голая, в мягкой тёплой постели у мужчины, которого знаю всего несколько часов!

Мысли снова возвращаются к нему. Жалею ли я, что заключила этот сумасшедший договор? Конечно нет! Проверила ему и не ошиблась — он действительно мастер!

Неожиданно во мне просыпается бухгалтер и начинает привычно, по-деловому, сводить баланс, кредит и дебет, плюсы и минусы.

Итак, что же у нас в плюсе? Он помог мне подняться вчера утром у кафе — явный плюс! Ставим в графу кредит. Джинсы отряхнул — плюс. Заступился за меня, бонус выбил — тоже плюс. Список плюсов растёт: от «Козла» спас, аварийный знак поставил, машину в автосервис отправил, до больницы довёз.

За мамину операцию заплатил!

Что ещё? Вкусным ужином накормил — плюс. Капучино был просто замечательный — плюс! Как быть с договором? А что с ним не так? Ведь сама согласилась, спасибо, что предложил — однозначно плюс! Ожерелье платиновое — плюс!

Вот только как быть с той сумасшедшей суммой, что он перевёл на мою карту? Это сильно меня беспокоит. Подумав, решаю пока зачислить её на отдельный счёт и не включать в общий баланс.

А как быть с наказанием? Анализирую свои эмоции: он

действовал по правилам, согласно нашему договору, заставив меня пройти через невыносимые унижения, но в душе нет и следа стыда или боли! Всё же интересно мы устроены: то, что в обычной жизни было бы величайшим позором, кажется теперь совершенно нормальным!

Он помог осуществить мои самые затаённые фантазии; дал возможность впервые в жизни испытать настоящий оргазм, от которого мне просто снесло крышу! Ставлю плюсик и спохватываюсь — два оргазма! Добавляю ещё один плюс.

Так, а что же в минусе? Было больно, но не настолько, можно сказать, даже приятно, если не считать тех двух последних шлепков — однако на минус не тянет.

Свожу баланс: выходит, что кругом сплошные плюсы. Так, а что дала ему я? Договор нарушила: «Господин» не говорила, сделала неумелый минет и расцарапала всю задницу. Вот сейчас становится реально стыдно!

Нужно срочно исправиться, отблагодарить его! Но как? Хотя... у меня ведь получилось доставить ему удовольствие! Читала, что для мужчин это высшее наслаждение — теперь знаю, что сделаю завтра утром!

С этой мыслью и засыпаю, загоняя в самый дальний уголок мозга тревожную искру — я жажду ещё раз ощутить то оглушающе-сладкое мгновение полной власти, когда он трепетал и стонал в моих руках. Да, я подчиняюсь ему... но почему-то кажется, что и он подчинён мне — хотя бы на одно безумное мгновение. И это странное равновесие почему-то

приносит покой.

5. Преступление

— Не знаю, — отвечала с сомнением Алиса. — Мне что-то не хочется, чтобы меня брали в плен. Я хочу быть Королевой.

— Ты ею и будешь, когда перейдёшь через следующий ручеёк, — сказал Белый Рыцарь.
(Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»)

Идём в темноте по узкому проходу в Пещере. Страшно, но он берёт мою руку и тянет за собой. Яркий свет, и вот мы уже на воле, бежим, взявшись за руки, по пригорку, под тёплым летним дождём. Он останавливается и прижимает меня к себе... Просыпаюсь. За окном светает, но солнце ещё не взошло — около семи утра. Не сразу соображаю, где я: в слабом свете комната выглядит совсем другой.

Он спит полулёжа на боку. Шрам скрыт подушкой. Долго люблюсь спокойным, мужественным лицом. Как он красив! Осторожно поднимаю одеяло — и вот передо мной мускулистое обнажённое тело.

Вспоминаю о своей задумке и замираю в нерешительности: как к нему подобраться? Осторожно провожу руками по буграм мышц на его груди, кружу вокруг сосков. Они оживают и становятся твёрже. Этот успех окрыляет и придаёт смелости. Спускаюсь по животу ниже, ниже... и вот уже касаюсь его, и он отзывается — начинает увеличиваться и твердеть.

Вглядываюсь в лицо — показалось, что веки дрогнули и приоткрылись. Медленно переворачивается на спину и расслабляется, но глаза закрыты. Ему нравится!

Продолжаю ласкать руками, и вот *он* уже в полной своей красе — огромный. Приближаюсь губами. *Он* пахнет. Вчера, в потоке воды, я этого не чувствовала, но сейчас от *него* исходит тёплый, живой, немного острый мускусный аромат. Ощущаю его на самом кончике носа, часто-часто мелко вдыхаю, и от этого чудесного запаха кружится голова, кровь приливает книзу.

Вспоминаю всё, что читала или видела о таких ласках. Всё быстрее провожу руками, прохожусь снизу вверх языком, кончиком языка ласкаю уздечку — читала, что это очень возбуждает, — и у самой уже становится горячо и влажно.

Он поднимает руки, берётся за завитки кованой спинки кровати, вытягивается в струнку — замирает. Кидаёт в жар, внутри сжимается.

«Он мой! В моих руках!» — проносится мысль. Да, это я приковала его к стальной решётке и могу делать всё, что пожелаю! Резко, даже грубо, раздвигаю ему ноги и, как вчера, набрасываюсь со всей страстью. Сердце бешено бьётся, кровь шумит в ушах, я впадаю в транс и уже ничего вокруг замечаю. Есть только *он*, и *он* в моей власти!

Сжимаю, впиваюсь ногтями. Хочется втянуть *его* глубже и глубже. От нахлынувшего трепетного возбуждения начинаю постанывать и рычать. Снова чувствую, что *он* вибрирует во

рту. Ещё! Ещё! Ещё!

Волна крупной дрожи прокатывается по его телу. Это случается так неожиданно, что не успеваю отстраниться. Тепло на лице. Я сделала это! Счастливая, гордо поднимаю торжествующий взгляд и... вижу прищуренные в ярости глаза дикого зверя!

— Как ты посмела! Вон из кровати — тычет пальцем на место на полу, где я вчера стояла в ожидании наказания. В ужасе скатываюсь на пол и мигом становлюсь на колени.

— Господин! Простите... хотела...

— Молчать! Ты — рабыня и не можешь ничего хотеть! Ты только выполняешь мои приказы! Ты нарушила самое главное правило!

Встаёт и уходит в ванную комнату.

Что я натворила! Меня трясёт от страха, от возбуждения не осталось и следа. «Ты нарушила главное правило!» — сколько ярости было в этих словах...

Теряю ощущение времени — кажется, что проходит целая вечность. Слышу шум воды — и вдруг, как молния, резкий спазм пронизывает внизу. Сильно сжимаю бёдра, пытаюсь погасить этот мощный позыв. Начинаю тоненько скулить. В довершение несчастий кожу лица больно стягивают подсыхающие корочки. Какой ужас!

Наконец он выходит — на нём вчерашний халат с драконами. Пристально смотрит и, кажется, язвительно ухмыляется.

— Сейчас ты приведёшь себя в порядок, наденешь вот это, — говорит жёстко и тычет пальцем в жалкую кучку одежды у зеркала, — и спустишься вниз!

Порываюсь вскочить и кинуться в спасительную ванную, но он останавливает грубой командой:

— Приказа встать не было!

Семеню на четвереньках мимо него и получаю такой звонкий и шлепок по заду, что с писком кубарем подлетаю к спасительному белому чуду сантехники.

Оттираю лицо — кажется, как будто мне прожгло кожу насквозь и оставило красные пятна. Нет, это я просто сильно тёрла. Страшно даже смотреть на себя в зеркало — знаю, что выгляжу ужасно. Осматриваю зад — яркое красное пятно, а там, где попали пальцы, оно даже темнее, почти бордового цвета.

С трудом кое-как расчёсываю волосы и... замираю в ужасе: её нет! Милая розовая щёточка исчезла! Её больше нет в стаканчике!

«Это конец! Он вышвырнул её в мусорку! Сейчас он так же вышвырнет и меня! Какая же я дура!» — горло моё сжимает спазм, наворачиваются слёзы. «Я сама всё испортила! Нарушила главное правило! Он выгоняет меня!» — вот всё, о чём я сейчас могу думать.

Плетусь к жалкой кучке — вчера совсем про неё забыла, да и не было видно в полумраке. Откапываю трусики и с ужасом чувствую неприятный резкий запах. Они ещё немного

влажные — не высохли под джинсами. Идиотка! Нужно было постирать вчера! Ведь было же время!

С отвращением их натягиваю. Теперь мне уже всё равно: он выгоняет меня, дома переоденусь. Иду вниз медленно, как приговорённая к смерти, с трудом сдерживая слёзы.

Всем существом ощущаю, какая я грязная и жалкая. «Неудачница! Так тебе и надо!» — мысленно проклиная своё безрассудство.

Он стоит у плиты и что-то готовит. Поворачивается в мою сторону, и, кажется, я вижу холодные равнодушные глаза. Видеть этот пустой взгляд ещё хуже, чем тот бешеный звериный, которым он на меня смотрел утром.

И тут на меня накатывает — я реву в голос, текут слёзы, сопли. Каким-то уголком сознания слышу обрывки своих слов между рыданиями и всхлипываниями: «простите... не буду... хотела... не надо... пожалуйста... прошу... Господин... разрешите» — и его спокойный, холодный голос:

— Если ты сию же секунду не прекратишь истерику, вечером получишь двойное наказание!

Ошеломлённая и счастливая замолкаю. «Вечером» — какое прекрасное и магическое слово! У меня будет вечер — он меня не выгоняет!

— Умой сопли и приходи завтракать. Сегодня у тебя много дел!

Кидаюсь в гостевой туалет. Холодная вода помогает немного прийти в себя, но тело сотрясают беззвучные всхли-

пывания.

— Ешь! Быстро!

Ставит передо мной тарелку с замысловатым омлетом, украшенным дольками помидора и листиком салата. Наливает апельсиновый сок. Есть трудно, горло всё ещё сжимает спазм, но не смею ослушаться и покорно съедаю всё. Кисло-сладкий бодрящий сок окончательно приводит меня в чувство.

Кофе — ароматный, чёрный, без сахара. Никогда не думала, что это может быть так божественно вкусно!

Осмеливаюсь взглянуть на него, и на мгновение кажется, что он улыбается. И это не презрительная усмешка: всё это его явно забавляет! Заметив мой взгляд, мгновенно напускает на себя суровый вид и командует:

— Возьми свой телефон. Сумочка в гардеробной.

Быстро приношу.

— Введи в память мой номер, — диктует. — Как назвала контакт?

— Господин, — тихо шепчу.

— Хорошо. Отправь мне эсмэску, чтобы и у меня был твой номер.

Пикает его телефон.

— Сегодня я занят, и с тобой будет водитель Коля.

Заметив мой испуганный взгляд, добавляет чуть мягче:

— Не бойся, он хороший и надёжный. Сейчас вы с ним едете к тебе домой.

Домой?! Он всё же выгоняет меня? Но нет, спокойно инструктирует:

— Собери немного одежды, бельё, самое необходимое на пару дней. Ничего лишнего: сам выберу тебе потом новый гардероб. И переоденься во что-нибудь попримечнее: мне осточертели эти дурацкие джинсы. Выброси на помойку!

Чувствую, что краснею и с трудом выговариваю:

— Слушаюсь, Господин.

— Закрой воду и газ, проверь холодильник. Знакомые соседи есть?

— Да, Таня из соседней квартиры на нашей площадке.

— Скажешь ей, что тебя некоторое время не будет. Типа устроилась няней с проживанием, чтобы на лекарства заработать. Или ещё что-то придумай. Попроси пригладеть за квартирой.

Облегчённо выдыхаю: я всё же остаюсь у него. И тут меня пронзает мысль: «А как же диффенбахия?»

Он, наверное, читает выражение ужаса на моём лице:

— Ну что ещё? Говори!

— Диффенбахия... Цветок. Он погибнет без меня...

— Он тебе очень дорог?

— Папа... память... — Смотрю умоляюще.

— Привезёшь сюда. Коля поможет отнести в машину. На всё это у тебя полчаса. В десять ты записана в поликлинику.

Это ещё зачем? Какая поликлиника? Он не даёт мне времени возразить:

— Профилактический осмотр: мне не нравится твоя бледность. И гинеколог. Паспорт с собой?

От слова «гинеколог» теряю дар речи и только затравленно киваю. А он так же жёстко продолжает, словно вбивает гвозди:

— В двенадцать — косметический салон: нужно немного привести тебя в порядок. Они знают, что делать. В три, там же, лёгкий диетический обед. Попробуй только не съесть! В четыре ты должна быть в больнице, главврач будет ждать, сразу проходишь к нему. Всё ясно?

— Да. — Перехватив его гневный взгляд, быстро поправляюсь: — Да, Господин! Слушаюсь, Господин...

И тут становится вдруг так обидно, что он мною помыкает. Накатывает злость. Не могу сдержаться и язвительно добавляю:

— И повинуюсь... Господин.

Смело смотрю ему прямо в глаза. Некоторое время молчим, изучая друг друга. Его лицо ничего не выражает, но глаза сузились, должно быть от гнева. Внутри у меня холодеет от страха: сейчас уж точно выгонит!

Вдруг он хватает меня за волосы, сильно, до боли, сжимает. Заставляет смотреть в глаза и, чётко выговаривая каждое слово, спокойно выдаёт суровым голосом:

— И ещё. Я могу задержаться. Коля откроет тебе дверь и выпустит. Снимешь с себя всё, станешь в центре холла, руки на попе, спиной ко входу — и будешь меня ждать. Сегодня

накажу по-настоящему. Что ты должна сказать? Не слышу!

Онемевшим от страха языком кое-как мямлю:

— Слушаюсь, Господин...

Отпускает мои волосы и в этот момент опять замечаю отблеск улыбки в его глазах. Кажется, он даже сжал губы, чтобы не рассмеяться. Ему смешно!

Чудовище!

6. Очень длинный день

— Я расскажу всё, что случилось со мной сегодня с утра, — сказала неуверенно Алиса. — А про вчера и рассказывать не буду, потому что тогда я была совсем другая.

(Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»)

Одеваясь, через открытую дверь вижу, как он подходит к машине, рядом с которой стоит невысокий, кругленький человечек с брюшком и весёлым лицом. Пожимают руки и о чём-то оживлённо говорят — как закадычные друзья.

Догадываюсь, что это Коля, водитель. Улыбаюсь: до того комично смотрится эта пара — мой высокий, поджарый «Господин» и невысокий, приземистый Коля с плутоватыми глазками. Кого же они мне напоминают?

Одевшись, стою и жду — других приказов не было. «Господин» подходит, замечает, что я всё ещё разглядываю Колю, и зачем-то объясняет:

— Мы с ним уже много лет вместе. Он для меня... даже не знаю, как его назвать...

— Оруженосец Санчо Панса, — тихо бормочу себе под нос, но он слышит. Берёт за подбородок, приподнимает голову и смотрит в глаза с явным интересом.

— Пожалуй, да, «оруженосец». Очень хорошо подметила. Улыбается, но тут же принимает сердитый вид, нарочно

поворачивается так, чтобы шрам на правой щеке был хорошо виден, и зловещим тоном, смакуя каждое слово, говорит:

— Только вот не припомню, чтобы Дон Кихот по вечерам драл ремнём задницы маленьким непослушным девочкам. А именно это я сегодня и буду делать.

Замираю от ужаса — он точно решил выпороть меня по-настоящему! Уже второй раз напоминает об этом с явным предвкушением. Садист!

Не чуя под собой ног, бреду к машине и только растерянно киваю в ответ на приветствие Коли, который заботливо открывает дверцу.

Вначале он пытается завязать светский разговор о погоде, но, видя моё состояние, благоразумно замолкает и только иногда хитро посматривает. Когда выезжаем из посёлка, спрашивает:

— Светлана Сергеевна, куда едем? Хозяин велел сначала завезти вас домой.

Говорю адрес и прошу звать меня просто по имени. Он легко соглашается:

— Хорошо! Тогда и вы зовите меня просто Коля.

В его устах «Хозяин» звучит странно, если вспомнить, как весело и непринуждённо, со смешками и шуточками, они общались всего несколько минут назад. Впрочем, для него «Хозяин» — это просто начальник, работодатель. А для меня... Проговариваю это слово про себя, и внутри сладко щемит. Почему-то оно цепляет меня сильнее, чем «Господин».

Понемногу прихожу в себя и тоже начинаю с интересом на него поглядывать. Коля мне определённо нравится: он весёлый, добродушно посмеивается после каждого слова. С ним легко и приятно — он будто излучает простодушную доброжелательность и тепло.

Всю дорогу что-то рассказывает, перемежая речь шуточными словечками и прибаутками. Слушаю вполуха, иногда поддакиваю или просто улыбаюсь, но в мыслях я далеко.

Что же так сильно задело меня в сегодняшнем разговоре после завтрака? Нет, не приказной тон, каким он выдавал инструкции на день — к этому я, кажется, уже привыкла. Он ведь мастер-доминант, мой хозяин, и ему положено так приказывать. Я дочь военного, и папа часто говорил таким же командирским голосом.

Поликлиника — вот что задело за живое! Видите ли, я слишком бледная! Но, наверное, даже не это, а обследование у гинеколога: как же, подобрал уличную бродяжку и боится заразиться! Терпеть не могу гинекологов, особенно мужчин! Решаю: если окажется мужчина, просто откажусь — пусть лучше лишний раз выпорот!

Вспомнила, как разозлилась и даже что-то язвительное сказала, чтобы уколоть. Только сразу прилетела ответка: кожа на голове до сих пор побаливает — так сильно он схватил за волосы. Вспомнилась и зловещая табличка в машине: «KOMENDANT». Вот уж точно про него! Специально, наверное, заказал такую. Надо было на немецком писать:

«Lager-Kommandant», чтобы сразу всё было ясно.

Подъезжаем к нашей пятиэтажке.

— Хозяин велел помочь спустить вниз какой-то очень ценный цветок.

— Да, спасибо.

Поднимаемся по обшарпанной лестнице. Затхлый воздух, пропитанный запахами сигарет и кошек. Очень неловко приглашать Колю в неуютную квартиру.

— Коля, подождите, пожалуйста, здесь, на площадке. Я сейчас.

Нахожу пакет побольше, засовываю в него старый треснувший горшок с диффенбахией и выношу на площадку.

— Света, нам нужно выехать в клинику максимум в 9:40. Хозяин сбросил ваш номер, я пошлю эсэмэску, когда нужно будет спускаться.

Он берёт цветок и уходит.

Смотрю на часы: времени у меня всего полчаса. Бросаюсь в ванную. Кран выплёвывает ржавую струю, но вскоре идёт чистая тёплая вода. Быстро моюсь, надеваю чистые трусики — самые новые и приличные, какие только нашла. Проклятые вонючие — в мусорку вместе с рваным лифчиком.

Замираю с джинсами в руках. Они, конечно, застиранные и потрёпанные, но любимые. Наворачиваются слёзы: в кого я превратилась? Послушная рабыня! Проверяю карманы и, с болью в сердце, засовываю джинсы в пакет с мусором.

Что надеть, чтобы выглядеть «поприличнее»? Одеваюсь

как обычно на работу: чёрные брюки, рубашка, джемпер с небольшим вырезом. Смотрюсь в зеркало: платиновый ошейник тускло поблёскивает в разрезе воротника, но выглядит как стильная бижутерия.

Нахожу старую спортивную сумку, с которой раньше ходила на гимнастику. Собираю немного одежды, расчёски, заколки и нужные мелочи. Туда же — сумочку с документами. Паспорт кладу во внутренний карман куртки. Поколебавшись, добавляю в сумку сборник любимых пьес — вдруг разрешит пользоваться роялем? Хотя... размечталась!

Перекрываю воду, закрываю газ. Проверяю холодильник: кусок полусохшего сыра, прокисшее молоко, какие-то забытые баночки и унылая сморщенная морковка. Всё — в пакет. Прощай, старая жизнь! Протираю полки. В морозилке что-то есть, но времени нет — оставляю включённым.

Остаётся ещё Таня. Звоню в дверь, надеюсь, не спит. Говорю, что уезжаю на несколько дней, оставляю ключ и свой номер. Ничего не объясняю: ненавижу врать. Да она и не спрашивает — только сочувственно вздыхает. Знает про маму.

Смотрю на часы — есть ещё пять минут. Устало опускаюсь на свой диван. Отсюда всё, что произошло за сутки, видится иначе. Это мой дом, пусть неуютный, но родной. Здесь — норка маленькой мышки. А там... у меня нет ничего, даже розовой зубной щётки. Интересно, что с ней стало?

Вдруг, как из глубокой комы, восстаёт мой здравый смысл. Что же я делаю?! Зачем мне всё это?! Зачем искать

приключений на свою задницу, причём в самом буквальном смысле — вечером меня ждёт очередная порка! Ведь всё так просто: послать его подальше со всем этим дурацким доминированием, закрыться дома и никуда не ехать.

А что? Вопрос с операцией решён. Вот возьму такси, и сама съезжу — подпишу документы. В понедельник пойду на работу — немного развлеклась и хватит. А что теперь делать с его деньгами? Я же их не потратила, значит, верну. Именно так и следует сделать. Да-да! Самое разумное и верное решение!

Ощупываю ожерелье-ошейник. Сзади нахожу небольшой бугорок — это кнопка замка. Нужно только нажать, снять и отдать Коле. Так просто!

И тут, как электрическим током, пронзает мысль: «Мой цветок! Не могу его бросить! Придётся ехать!» Здравый смысл валится в обморок: простая диффенбахия в моём воображении превращается в священную семейную реликвию, вселенское Древо Жизни! Хотела бы остаться, но ничего не поделаешь — ехать нужно! Никуда не денешься: «форс-мажор», обстоятельства непреодолимой силы.

Пикает телефон — пора! Я быстро одеваюсь, хватаю сумку, пакет с мусором, закрываю дверь и, перепрыгивая через ступеньки, несусь вниз. На ходу забрасываю пакет в мусорный бак — и вот уже сижу в машине.

На заднем сиденье замечаю наше «семейное древо», заботливо завёрнутое в одеяло и пристёгнутое ремнём. Мысль

о том, что сейчас его можно просто взять и вернуться домой, как-то в голову не приходит.

Выезжаем. Коля, как обычно, в хорошем настроении. Балагурит, будто разговаривая с самим собой:

— А я вообще стараюсь не болеть. Медицина у нас в стране супер, поэтому к врачам не хожу: боюсь. Врачи, конечно, плохого не посоветуют, но и хорошего не разрешат.

Он весело смеётся своей шутке.

— Да и потом, чем больше по врачам ходишь, тем больше болячек они в тебе находят! Вот раньше, как было: люди болели меньше — практически один раз. А сейчас? Больные болеют дольше, чем некоторые здоровые живут!

Смеёмся уже вместе. Понимаю, что он чувствует моё напряжение и такими анекдотами пытается отвлечь, за что я ему благодарна.

Подъезжаем к клинике, только это не наша районная поликлиника, а частная. Проезжала несколько раз мимо неё, но даже в голову не приходило, что когда-нибудь сюда попаду.

— Тут хорошо: очередей нет. А то, знаете, в районной поликлинике тебе люди добрые столько диагнозов понаставят, пока пытаешься прорваться к врачу без очереди, — продолжает шутить Коля. А потом добавляет: — Света, мне нужно отъехать на часок. Если закончите раньше — пошлите эсэм-эску, ладно?

Я не возражаю.

Очереди действительно нет. Симпатичная девушка в фир-

менном халатике проводит меня в холл, снимает копию с паспорта и просит заполнить длиннющую форму со всякими вопросами. Дохожу до пункта «родственники/законные представители» и, подумав немного, пишу: «Николаев, Сергей Алексеевич», и номер его телефона.

Отдаю заполненную форму — и почему-то вдруг сжимается в груди: мне страшно. Не просто тревожно, а именно очень страшно. Чего же я опять боюсь?

К счастью, отдаться этому чувству мне не дают. Я словно попадаю в быстрый речной поток: баночка для анализа, кровь из вены, кабинет кардиолога, где симпатичный дядечка расспрашивает всё о болезни мамы и папы, слушает сердце, делает кардиограмму. В другом кабинете приходится раздеться по пояс — делают УЗИ сердца. Всё быстро, предельно доброжелательно и вежливо.

Со страхом открываю дверь кабинета гинеколога. Какое облегчение: за столом перед компьютером пожилая темноволосая, но с обильной сединой женщина. Снимает очки и внимательно осматривает меня с головы до ног, забавно склонив голову набок. Приветливо и как-то очень тепло улыбается.

— Светлана! Можно, я буду вас так звать? — Согласно киваю. — Я — Зинаида Марковна. Очень приятно познакомиться! Присаживайтесь!

Читает что-то на экране:

— Вы указали Сергея Алексеевича как законного представителя.

— Да, это... он меня направил.

— Сергей Алексеевич серьёзно относится к своему здоровью и очень беспокоится за ваше, — говорит с лёгким южнорусским акцентом. — Вы не возражаете, если мы представим ему результаты обследования?

— Да, конечно! У меня от него нет секретов.

— Ну вот и замечательно, — распечатывает листок и подаёт мне. — Распишитесь тогда, что вы согласны, — такие правила.

Начинает задавать обычные интимные вопросы, и это у неё получается как-то естественно, совсем неформально, как будто мы просто по-дружески беседуем. По ходу разговора незаметно переходит на «ты»: становлюсь «Света», потом «Светочка», и вот я уже «девочка моя». Если честно, мне это очень даже нравится!

Месячные у меня довольно регулярные, но из-за того, что все мысли последнее время были заняты болезнью мамы, не могу точно вспомнить, когда были последние — три недели назад или две? Наверное, всё же три. Примерно так.

Густо краснею от вопроса о том, когда был последний раз секс. Даже и припомнить не могу, но точно уже больше года назад. Зинаида Марковна, кажется, удивлена: внимательно смотрит, сняв очки. Чувствую, что краснею ещё сильнее и выжимаю из себя, отводя глаза:

— И ещё вчера... но не так... не там...

Какой стыд! Что она должна обо мне подумать?! Таких

отъявленных извращенков она, скорее всего, в своей практике не встречала!

— Ну что ты, девочка моя! Ничего плохого в этом нет. Не переживай так, всё наладится! — Она ободряюще и по-доброму мне улыбается.

Вот и самая неприятная процедура — с ужасом вспоминаю, что на попе остался отпечаток его ладони, но Зинаида Марковна деликатно отворачивается и моет руки, а если забраться в кресло, то уже и не будет видно. Она быстро и профессионально всё делает, и получается у неё мягко и даже нежно. С облегчением одеваюсь за ширмочкой.

— Ну что, девочка моя! Всё у тебя хорошо. С сердцем порядок, полные анализы будут попозже, но я, со своей стороны, проблем не вижу. Надеюсь, скоро буду вести твою беременность. Не откладываете надолго — пора уже: сейчас самый возраст!

От этих слов перехватывает дыхание: какая беременность?! Мы же не в тех отношениях! Вообще неизвестно, что будет через несколько дней, когда срок договора закончится!

— Зинаида Марковна! Я не знаю... не готова... мы только вчера познакомились... — Вдруг мысль о противозачаточных сама собой приходит в голову. — Нужно время... Вы можете мне что-нибудь прописать, чтобы не было...

— Ну, хорошо! Это каждая женщина сама должна решать, — говорит она мягко. — Но давай вот как сделаем: месячные у тебя примерно через пять-семь дней должны быть. Если

ты правильно посчитала, анализы, да и другие признаки это показывают — ты ближе к концу лютеиновой фазы и сейчас в относительно безопасном периоде.

В любом случае, начинать принимать таблетки нужно в начале цикла, поэтому через недельку, как только начнётся — сразу ко мне приходи, и мы всё обсудим. Может быть, вы уже с Серёжей за это время определитесь с вашими отношениями. Если нет — сделаем анализы ещё раз, и я подберу, что тебе нужно.

Отлегает от сердца: действительно, это самое разумное решение. А как она по-свойски назвала его «Серёжа» — и с такой мягкостью в голосе. Повторяю это имя про себя, и мне оно очень нравится! Может быть, и я смогу его когда-нибудь так назвать?

Не совсем поняла про «лютеиновую фазу», но главное — можно пока немного расслабиться, а там будет видно. Зинаида Марковна достаёт из шкафчика две коробочки.

— Вот, пока возьми витаминки и эти таблетки с железом, ну и питаться нужно полноценно. И ещё — даёт мне карточку, на которой подписывает вручную телефон, — это мой номер. Звони в любое время дня и ночи, если будет нужно.

Мельком взглядываю на карточку: «Медицинский центр... Директор...». Провожает меня до двери. Смотрю в добрые, умные и, как мне кажется, немного печальные глаза.

— Спасибо вам, Зинаида Марковна! Правда, большое спасибо.

Она ласково проводит ладонью по моим волосам.

— Ничего, девочка моя! Всё будет хорошо!

И тут я, вдруг, повинувшись какому-то неудержимому порыву, прижимаюсь к её мягкой, тёплой груди и захожусь в рыданиях. Не могу ничего с собой поделать! Она обнимает меня, успокаивает, целует в лоб.

— Ну-ну, не надо! Всё же хорошо. Ты сильная девочка. Успокойся.

Затихаю и только изредка всхлипываю. Она вытирает мне слёзы и нос салфеткой, как маленькому ребёнку, и сразу наступает облегчение, словно что-то освободилось и отпустило в душе. С благодарностью киваю. Становится так хорошо и спокойно...

Коля уже ждёт у входа, галантно открывает дверцу машины. Забираюсь внутрь и замечаю, что цветка на заднем сиденье нет. Поймав мой взгляд, он поясняет:

— Отвёз уже. Чтоб не замёрз.

Выезжаем, на часах 11:30. Коля что-то рассказывает, но я его не слушаю, погрузившись в свои мысли.

И что это на меня нашло? Снова разревелась как истеричка! Должно быть, всё же нервничала, боялась — а вдруг что-то не так? Давно уже мучила мысль, что у нас в семье наследственная болезнь сердца: у папы инфаркт, мама в больнице. Понимала, что нужно как следует обследоваться, но боялась, а он взял и заставил пойти в клинику. И к гинекологу отправил не абы к какому, а к самому директору центра! Замеча-

тельная женщина, как я рада, что с ней познакомилась!

Зачем же я разозлилась на него утром? Он ведь и правда беспокоится «за моё здоровье» — невольно улыбаюсь, вспоминая мягкий говорок Зинаиды Марковны.

Тут же вспоминаются и её слова: «Сергей Алексеевич серьёзно относится к своему здоровью» — не знаю, почему, но меня это успокаивает, и словно раскрывается маленький замочек в глубине сознания: ему можно доверять. Приятное чувство — от него даже вспыхивает мимолётная искорка желания.

Становится стыдно: ну почему я такая строптивая дура, ну вот не верю ему, а ведь он мне только хорошее делает. Даже наказание сегодня, если честно, заслужила: ведь я не ему удовольствие хотела доставить, а себе. Просто боялась себе в этом признаться. Эгоистка!

Замечаю, что Коля едет молча: понял, что его не слушают, и, наверное, обиделся.

— Коля, простите! Я немного не в себе: столько проблем навалилось.

— Света, не надо так переживать! К сожалению, мы часто употребляем иностранные слова в повседневной речи и связываем их с простыми житейскими ситуациями, а ведь это неправильно. Что значит «проблема»? Это только сложный вопрос, требующий особого изучения и решения. Вот, возьмём, к примеру, «проблему Геттиера» — что есть «знание»? Вот уж, действительно, проблема. А в жизни? Вы спрашива-

ете, скажем, у меня: «Который час?» — Это не проблема, а просто вопрос. Но вот если я, вместо ответа, задам встречный вопрос: «А с какой целью вы интересуетесь?» — вот тут уже возникает проблема. — Смеётся. — Наша жизнь состоит не из проблем, а из бесконечной цепи вопросов, которые жизнь нам, как бы, задаёт, а мы всё время должны давать ответы и решать вопросы. Не дать ответ на жизненный вопрос — это тоже ответ и, как правило, не самый лучший.

— А что, если мы даём неверный ответ? Тогда это становится проблемой?

— Такое часто бывает, но это не проблема, это просто очередной вопрос, на который нужно дать ответ — желательно, на этот раз, правильный! — Опять смеётся.

— А вы настоящий философ, — говорю совершенно искренне.

— Да какой из меня философ? Просто житейская мудрость. Хотя, философский факультет я в своё время закончил. — Заметив мой удивлённый взгляд, добавляет: — Что поделаешь, жизнь задавала самые разные и неожиданные вопросы. Значит, нужно было давать адекватные ответы.

Я потрясена и не нахожу слов: вот так просто — философский факультет! А я тут сижу с тремя годами неоконченного филфака и воображаю, что у меня проблемы вселенского масштаба!

Наконец подъезжаем к старинному дому в парке, мимо которого я часто проходила и всегда было интересно: а что

там внутри, за большими высокими воротами?

— Вот у нас какой был вопрос? — продолжает философствовать Коля. — Доехать безопасно и быстро до салона красоты. Мы этот вопрос решили — уже на месте. Теперь решаем следующий. И так далее.

— Доехать до салона — не вопрос, — вдруг вырывается у меня. — А вот решить, ехать ли мне с вами сюда или попросить отвезти домой — вот это действительно вопрос!

Коля притормаживает машину перед воротами и внимательно на меня смотрит.

— А вы, Света, тоже философ, — говорит серьёзно, глядя мне в глаза. — Проблема, которую вы подняли, называется «выбор как философская категория». На эту тему написано много книг, но однозначного решения никто так и не смог предложить. По счастью, жизнь оказалась мудрее всех философов и дала нам средства для решения этого вопроса. Первое — это то, что поэты называют «зов сердца», или, по-научному, «эмоциональный импульс». Или, ещё короче, «желание». Второе — это то, что психоаналитики определяют как «сверх-Я», а в быту именуемое «совестью», которая есть сумма множества важных вещей: «долга», «чести», «достоинства», «справедливости», «ответственности» и многого другого, из чего и складывается основа личности человека. В действительности проблемы выбора нет: всегда действуйте по велению сердца и по совести.

Не знаю, что сказать, но понимаю, что он прав. Только как

быть с теми, у кого нет совести? Коля, как будто читая мои мысли, предлагает:

— Света, давайте мы как-нибудь обсудим это. С вами интересно. Если хотите, могу дать вам кое-что почитать из моей библиотеки. У меня, кстати, есть и несколько своих работ на эту тему.

— Да, конечно! Спасибо. Вот только решу сначала «по велению сердца и по совести» некоторые жизненные вопросы. — Смеёмся вместе.

На въезде охранник сверяется с бумажкой и пропускает нас на стоянку перед домом. Поднимаюсь по ступенькам, открываю тяжёлую старинную дверь: внутри тепло, уютно и приятно пахнет чем-то парфюмерно-экзотическим.

— Добрый день! Вы гость Сергея Алексеевича, Светлана Сергеевна?

Немного растерянно киваю. Слово «гость» меня смутило. Девушка с явным любопытством оглядывает меня, просит паспорт, что-то кликает на клавиатуре и выдаёт карточку.

— Это временная клубная карта. Добро пожаловать! У вас оплачено на месяц вперёд — четыре базовых сеанса. Подождите, пожалуйста. Вас пригласят.

Вот как! На месяц! Это воодушевляет.

Посетителей немного — две довольно ярко одетые дамы сидят в холле в мягких креслах и лениво перелистывают модные журналы. Услышав слова «гость Сергея Алексеевича», отставляют журналы и разглядывают меня откровенно.

но-критически — кажется, я им не очень нравлюсь. Ну и пусть, какое мне до них дело!

Скромно сажусь в уголке, беру Elle на английском и погружаюсь в статью о здоровом образе жизни. Краем глаза замечаю странные взгляды дам. Может быть, я что-то не так делаю? Сижу, тупо читаю, да ещё и на английском, а журналы, наверное, положено просто лениво пролистывать и разглядывать картинки? Как мало я знаю об элитных нравах!

Через два часа, пройдя увлажняющие и питательные маски, маникюр-педикюр и парикмахера, оказываюсь в массажном кабинете.

— Здравствуйте, Светлана! Я Наташа! — весёлым голосом приветствует меня женщина лет тридцати в белом халате, что-то высматривая на экране компьютера.

— Ого, от Сергея Алексеевича! — Смотрит с интересом и уважением и, мне кажется, задерживает взгляд на ожерелье.

— Устраивайтесь поудобнее, у вас тут заказан общий массаж!

Я ещё в каком-то полусне от всяческих расслабляющих процедур и начинаю раздеваться на автомате. Массаж мне привычен: занималась йогой, гимнастикой, и спортивный массаж был обычным делом. Совершенно забываю о красном пятне, предательски выглядывающем из-под края трусиков. Спohватившись, ойкаю, краснею и в ужасе пытаюсь снова натянуть брюки.

Вдруг Наташа звонко смеётся и, задрав халатик, демон-

стрирует свой зад с красными полосками:

— Да ладно, подруга! Нашла, чего стесняться. Для нас это как знак отличия! Вот и мне вчера попало от своего: прикинь, нашёл за диваном кучу фантиков от конфет, а у него бзик — страшилок про диабет в интернете начитался и теперь гоняет меня за сладкое!

Наташа так искренне и непосредственно хохочет, что я тоже начинаю улыбаться. С ней легко: она, со своими простецки-шутливыми манерами, напоминает Колю, когда тот надевает свою шутовскую маску. И я тут же спохватываюсь, вспомнив про философский факультет. Интересуюсь:

— А зачем он за диван полез?

— А кто ж его знает! А зачем я нарочно туда кучу фантиков насыпала? — весело ржёт. — Ну, что у тебя там? — довольно бесцеремонно оттягивает мои трусики. — Ого, какая лапища! Это за что тебе так влетело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.